

Метро 2035: Приют забытых душ

Автор:

Юрий Харитонов

Метро 2035: Приют забытых душ

Юрий Владимирович Харитонов

МетроВселенная «Метро 2033»

Неизвестные крадут детей. Забирают из семей, увозят куда-то далеко и не возвращают. Дети помещены в «Приют забытых душ» и надежда на избавление едва теплится в их сердцах. Кажется, о них все забыли и помощь не придет. Но похитители наткнулись не на тех. За ними в погоню бросились разъяренные люди, одержимые местью, чтобы раз и навсегда восстановить справедливость. Мужчина и женщина начали путь по разным причинам, но их дороги, подобно бикфордовым шнурам, несут запал праведного гнева. Они непременно сойдутся в одной точке. И тогда случится... Взрыв?

Юрий Харитонов

Метро 2035. Приют забытых душ

© Глуховский Д. А., 2018

© Харитонов Ю. В., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Дочери: спасибо за осознание мной того, какими наивными и одновременно взрослыми, а порой до жути мудрыми могут быть дети.

– Ты слышишь, как ветер разносит чужие души?

– Да, Отец.

– Ты чувствуешь запах тлена, что вместо положенного ему подzemелья над землей стоит?

– Да, Отец.

– Ты слышишь неутихающие крики женщин и детей?

– Да, Отец.

– Ты хочешь все вернуть и забыть День Великой Чистки, как мрачный сон?

– Да, Отец!

– Ты – лекарь нового мира.

– Я – лекарь нового мира.

– Ты – защитник Homo sapiens.

– Я – защитник Homo sapiens.

– Ты – искатель юных душ.

– Я – искатель юных душ.

– Чистых душ, не зараженных чумой двадцать первого века...

– Чистых душ, не зараженных чумой двадцать первого века.

– Ты отыщешь выживших и казнишь всех старше восемнадцати за их вину перед потомками, а также юродивых, обезображенных и пострадавших от радиации: на них проказа, и Бог пометил их. И соберешь всех детей, не подверженных болезни. Чистых и здоровых. И с их помощью мы создадим новый мир, новый порядок, новых людей. Поклянись служить храму Новой Жизни!

– Клянусь! Во славу великого Атома Стронция, показавшего несостоятельность жизни прошлого, во имя Изотопа Урана, который забрал неспособных жить и продолжает еще забирать. Клянусь! Я отыщу всех...

– Тогда приступим!

Пролог

Десятилетняя Катя была непослушной девочкой. Она любила убегать из дома и прогуливаться по пустующему поселку. Забегала в дома, играла с тенями, ловила начавший недавно падать снег, находила старые вещи и представляла, что бы это могло быть. Ей очень нравились фотографии: они показывали странных людей, которые никогда в селе не жили. И Катя с любопытством рассматривала их. Такие разные и такие веселые. И почему сейчас взрослые всегда хмурые? Почему не умеют веселиться, как те люди с картинок?

Родители порой с ног сбивались, разыскивая дочку, но потом махнули рукой: особой опасности не было. Пустошь – она уже лет десять пустошь и есть. В том смысле, что никого здесь не отыщешь. Люди исчезли навсегда. И животные словно сгинули. Ну, на кого им тут охотиться? Кем питаться? Траву волки не едят... Да и рыси тоже. Не мышей же гонять по полю? Собаки тоже оголодали и подались к более крупным поселениям. Местные кошки еще не настолько одичали, чтобы бросаться на людей. Наоборот, чуют в них кормильцев: Ма кисок молоком коровьим одаривает по утрам. Хорошо, что они в поселке остались: теперь мышей и птиц, разносчиков болезней, от дома отгоняют. А то

девятнадцать лет назад первенец от какой-то заразы помер. Потом еще двое. И только десять лет спустя родилась здоровая девочка, порадовавшая родителей уже одним своим появлением.

Научили малышку, если увидит или услышит что-нибудь подозрительное, сразу бежать с криками домой. Несколько раз Катя прибежала с выпученными от ужаса глазами. Сначала – когда впервые увидела зайца. Отец примчался, а тот удивленно на него уставился: людей никогда не встречал, непуганый оказался, вот и закатили в тот день ужин с зайчатинной. Второй раз – когда медведь бродил по поселку. Катя, как увидела, кричать не стала, тихо огородами прокралась домой и сообщила. Отцу пришлось нелегко, но он застрелил того медведя. Теперь шкура зверюги лежала на полу, согревая ноги долгими зимними вечерами.

С тех пор и махнули рукой, мол, пусть гуляет, главное, что теперь у семьи есть свой маленький «защитник». Или Сигналка, как прозвал ее Па. Чуть что – поднимет такой крик, что взбудоражит все окрестные села.

Тот день выдался особенно пасмурным, отчего невзрачная серость домов приняла более темные оттенки. Лил холодный осенний дождь. Осень так и не передала права зиме, все еще сопротивлялась: снег выпадал, а после сменялся затяжным дождем, растворявшим белое и чистое грязным и серым.

Катя шлепала старыми резиновыми сапогами по вязкой жиже, обходя самые глубокие лужи стылой воды и стараясь держаться ближе к поваленным заборам. Частично сгнившие за двадцать лет бревна и доски, словно устав, уныло прилегли на землю и кустарник, все еще приносящий летом съедобные ягоды: крыжовник, смородину. Малина вообще разрослась на полпоселка, вылезая кое-где и на дорогу, заслоняя от глаз, что там, за поворотом. Широкая улица поворачивала налево, скрывая от девочки дальние дома. Они как будто погрузнели – по-другому не назвать унылый вид, что приняли строения, покосившиеся и завалившиеся набок. Рассохшиеся бревна съехали друг с друга, окна перекосило, а крыша действительно «поехала». И вполне нормальные раньше дома со стороны казались теперь похожими на очень печальных гномов, удивленным пустым взглядом таращившихся на проходившую мимо девочку. Катя, давно привыкнув к этому, осторожно и тихо ступала по мокрой земле, не обращая на понурые дома внимания. Рука ее сжимала большой тесак, один из выкованных когда-то на сельском подворье для забоя коров, отданный ей отцом для самозащиты, хотя девочка ничего не боялась. Тут давно никто не жил, да и в

случае чего она успеет продраться через густой кустарник прямо к дому, и никакой зверь не сможет тягаться с юркой малышкой в зарослях, которые она уже излазила вдоль и поперек.

Особенно Кате нравилась изба бабы Нюры, умершей лет пять назад. Она находилась на другом конце села и «висела» на пригорке, откуда открывался вид на раскинувшиеся вокруг холмистые поля. Изба более-менее сохранилась, и девочка любила ухаживать за домом: стирала пыль со старых деревянных поверхностей, протирала, когда могла, полы и наслаждалась запахом влажной древесины, застирывала в ручье ажурные и невесомые декоративные покрывала, которые бабка Нюра давным-давно связала собственноручно. А потом Катя садилась в старое кресло, брала в руки фотоальбом и рассматривала фотографии, представляя прошлую жизнь, прошедшую без ее участия. Та история, которой девочка оказалась лишена, нравилась ей больше, нежели тусклое и бесцветное настоящее, где никаких развлечений, никаких новостей, одна лишь скотина в стойле, от которой уже тошнит. А картинки показывали совсем другое – то, что ребенок утратил из-за войны. Тут дети с радостными лицами катались на странных, но интересных ярких штуках, или с довольным видом кушали не виданные Катей пирожные, или просто все вместе играли на клочке желтой земли, огражденном узкими досками. Да, оказалось, что детей в то время жило много, и они никогда не скучали в одиночестве, как Катя, помогавшая иногда взрослым в их тяжелом труде – ухаживать за зверьем.

Вот и сейчас Катя направлялась в любимую избушку. Отдохнуть от быта, представить, как вместе с другими детьми весело катается на каруселях – она все-таки выпытала у Па, как называются те странные яркие штуки, – как живет совершенно другой, совсем детской жизнью, какой жили раньше, до нее, все дети без исключения. Среди фотографий нашлась удивительная, необычная. Обнимая лучащихся радостью детей, с картинки смотрел ярко-рыжий клоун: так назвал его Па после описания дочери. Лицо белое, глаза обведены голубой краской, губы – ярко-красные, непривычно увеличенные, вызывающие невольную улыбку. А в руках он держал привязанные к веревочкам разноцветные шары, и они парили над детьми, отражая яркий свет. Эта фотография несла в себе столько добра и радости, что становилось немножко грустно: такого ей не испытать. Мир лишился ярких красок, и Кате всю жизнь придется довольствоваться лишь блеклым и унылым, как все вокруг.

Девочка вздохнула, вспоминая фотографию, и вдруг остановилась. Зрение зацепилось за ярко-красное пятно, парившее где-то за кустами. Поворот дороги

и спутанные ветки не давали разглядеть предмет, летящий вдалеке, но сердце неожиданно забилося радостней: пятно напоминало шарик с фотографии.

Ребенок заторопился. Что же это? Откуда взялось? Неужели сейчас такое возможно? Воображение рисовало потерявшийся и улетевший от хозяина красный шарик, а чувство самосохранения исчезло напрочь. Катя ускорила шаг, стараясь побыстрее обогнуть кусты. Нужно разглядеть поближе удивительный предмет! А вдруг удастся его поймать? Может, серый-серый день, наконец, хоть на миг превратится в праздник, как у детей с фотографии бабы Нюры?

Тем сильнее было разочарование. Что бы это ни было, но уж точно не шарик. Девочка выскочила из-за кустов и увидела высоко в небе красный квадрат. На шарик не похоже! И летит выше! Намного выше. И еле заметная отсюда лента тянется вниз, куда-то за дом бабы Нюры. А вдруг это все-таки такой странный шарик? И девочка, шлепая по лужам, побежала к любимому дому, ожидая чуда: там, где заканчивалась веревочка, мог быть подарок! Как минимум, она найдет конец веревочки, за которую можно поймать интересный и яркий предмет!

Взволнованная Катя выскочила из-за угла крайнего дома, за который уходила почти заросшая травой дорога, и в замешательстве застыла. Страх сковал конечности ребенка. На дороге замерло странное металлическое сооружение на колесах... Нет, на металлических лентах, а позади к нему был прицеплен длинный фургон, на блеклом красном фоне еле заметно проступала белая надпись: «The Coca-Cola company». Катя читать не умела, но испугалась девочка не букв. Рядом с первым железным монстром ходили люди и ковырялись в металлических ржавых лентах, навешенных на колеса. Они, казалось, не заметили девочку. Веревка от странного квадрата в небе была привязана к крыше ненормальной машины.

Катя тут же отпрянула, развернулась и уже было кинулась за дом, но путь ей преградил огромный мужчина. Он заслонил дорогу, широко расставив ноги и руки. Ярко-рыжие волосы копной выбивались из-под небольшой шапочки, покрывающей голову. Такого же цвета борода топорщилась в стороны, а в ней пряталась довольная ухмылка. На незнакомце был теплый, но грязный и засаленный комбинезон защитного цвета и серые пушистые сапоги. Слово «унты» девочке было неведомо. Из-за спины неизвестного угрожающе выглядывал ствол какого-то оружия.

– Деточка, поиграть не хочешь? – пробасил он.

– Н... н... н... нет, – заикаясь, выдохнула Катя.

– Да не бойсь ты! Я же добрый! Ничегошеньки тебе не сделаю, – здоровяк присел на колени, все еще оставаясь выше девочки. – Я пришел тебя спасти, – потом затряс головой и передразнил Катю: – Не-не-не-не, не бойся меня.

– Н-н-не н-н-надо меня спасать, дяденька клоун! – вспомнила она название для таких ярких людей.

– Клоун? Хе-хе, – рыжий осклабился шире, обнажив ряд гнилых зубов. – Не-не, девочка, ты ошибаешься! Я не клоун...

– Клоун-клоун, – убежденно перебила Катя. – Я на картинке видела! И мне Па рассказывал, что такие, как ты, – клоуны!

– Па? – заинтересовался вдруг здоровяк. – Он рядом?

– Рядом-рядом, – кивнула девочка, а рыжий завертел головой, пытаясь увидеть отца ребенка, но того поблизости не оказалось.

– Слушай, – бугай вновь повернулся к девочке и, указав на тесак в ее руке, сказал: – Давай лучше дружить. У меня тут куча игрушек. Не хочешь посмотреть?

– Что такое игрушки? – недоуменно спросила та.

– Это... – замешкался рыжий. – Это такие штуки, которыми дети играют...

– А! Это карусели! – вспомнила Катя.

– Карусели? – было видно, как здоровяк задумался, но потом кивнул: – Именно! У меня и карусели имеются! Много! Так пойдем? Посмотрим?

Катя замаялась: выставив вперед нож, она пыталась сообразить, что делать и как предупредить родителей, но идти с вызывающим невольный ужас клоуном ей не хотелось. И тут она поняла, что клоун-то как раз ничего не знает о папе. А

значит, ничего не ведает и о ее семье.

Рыжий лишь ухмыльнулся, когда девчонка прыгнула в сторону и затерялась в кустах через дорогу. Он-то знал, что если есть девочки, то существуют и родители – без них маленьким девочкам не выжить в этом мире, – а также знал признаки, отличающие пустые дома от жилых.

– Эх, егоза! – крикнул он поднимаясь. – Свирид! Виктор! Айда за мной!

От передвижного средства отделились двое мужчин и последовали за рыжим по дороге. Они не преследовали девочку, а искали ее дом...

А Катя пробиралась сквозь скрученные ветки кустарника, цепляясь за них и падая на сырую землю, бежала мимо престарелых домов-гномов, склонивших крыши-шляпы к прогорклой, насыщенной водой земле. Надо успеть! Надо предупредить родителей! В селе – незнакомцы! Зачем они пришли? Девочка не жалела ног, дрожа от ужаса: что-то ненормальное было в их появлении, что-то необъяснимое! И клоун у них какой-то неправильный! Страшный и уродливый! И глаза злые! Детское сердце скакало в груди, как резиновый мячик. Прутья обдирали незащищенную кожу лица и рук, но ребенку было все равно: самое важное и самое любимое ждало впереди, а люди, что гнались за ней, несли угрозу.

Девочка запыхалась и остановилась, тревожно прислушиваясь. Сердце отбивало барабанную дробь, а в груди нещадно хрипело: холодный воздух с сипом вырывался из легких. Где-то потерялся нож, но не это главное. Звуков погони не слышно! Куда подевались эти странные мужчины с не менее странным клоуном во главе? Почему не бегут следом? Почему отстали? Или кустарник слишком густой для них? Катя уже медленней стала пробираться меж кустов: чужаки отстали, а может, ей удалось невероятное – запутать преследователей и замести следы, ведь никто так хорошо не знал переплетение скрюченных прутьев, связавших забор, дома и кустарник в единый лабиринт. Ну, теперь можно и дух перевести. Она спокойно дойдет до дома, предупредит Па и Ма, и все будет хорошо. Как прежде. До того, как ушедшие когда-то люди почему-то вернулись. Девочка и не думала, что это могут быть не те люди, что ушли когда-то. И что они специально пожаловали в их поселок.

Последние скрюченные прутья расступились перед родным домом, и Катя застыла в оцепенении. На нее смотрело дуло оружия. Какого, девочка не знала, но его держал клоун. Сердце вновь зашло в безудержном ритме. На земле лежал, постанывая, отец, рядом, раскинув руки в стороны и глядя неподвижными стеклянными глазами в небо – мать. Красное пятно расплылось у нее на груди. Один мужчина выскочил из избы, держа за ногу братика и осматривая его, второй целился в голову Па.

– Мутант, – произнес первый, поднимая ребенка выше. Годовалый младенец зашелся криком, кровь прилила к голове, наливая кожу лица красным. – Мочки ушей нетипичные и рудиментарные перепонки между пальцев.

– Витька... – прошептала Катя, дернувшись в сторону братика.

– Стоять, – хрипло предостерег клоун, ткнув ствол оружия в живот девочке.

– Но... – пролепетала испуганная Катя. – Он мой брат! И мои родители!

– Хочешь, все будет хорошо? – улыбнулся рыжий. – Хочешь?

– Хочу, – прошептала девочка.

– Тогда ты должна пойти со мной, – еще шире осклабился клоун. – Будем много играть, вкусно есть... И карусельки! Обещаю...

Девочка колебалась, страдания отца и брата словно передались ей. И мать... почему она не двигается?

– Решайся, – мягко проговорил клоун. – Пойдешь со мной – и с твоими родными ничего не будет. Я хорошо отношусь к мутантам, не трогаю их, если они не трогают меня. А твой братик – мутант. А его и твои родители виноваты в этом. И только ты можешь спасти их. Решайся, принцесса!

Переполненная ужасом Катя просто кивнула. Она не могла выдавить из себя ни слова. Со страхом протянула руку рыжему клоуну, он крепко сжал маленькую ладонь и потащил девочку за собой, кивнув сопровождавшим его мужчинам.

Не успели Катя и рыжий миновать поворот дороги, как раздались два выстрела. Девочка вздрогнула всем телом, бросилась назад, но ее крепко держал клоун. Он схватил ребенка за шкурку и, словно пушинку, прижал к груди.

– Все хорошо, деточка. Все хорошо. Мы идем туда, где много таких же детей, есть игрушки и красный-красный змей. Тебе не место с мутантами.

Но Катя лишь выла на одной высокой ноте и вырывалась. Ей все равно было, кто ее родители и братик. Она хотела к ним. Слезы душили не меньше огромных рук страшного клоуна. И вскоре Катю утащила с собой тьма. В беспросветный, но облегчающий страдания глубокий обморок.

Глава 1. Засада

Пошел снег – плохо! По грязи трудно дотащить тушу мутанта до села, но делать нечего: жены и дети нуждаются в еде, а поиск другой добычи поближе займет лишнее время. Семья будет голодать! Ну, ничего, как-нибудь дотащат. И дочка поможет, если что. Девушке пятнадцать, но она уже не по годам рослая и крепкая: яростный мир вокруг не дает быть юным и нежным долго. Закаляет, и если ты не инвалид, то просто обязан стать сильным. Вот и Саша у него уродилась – кровь с молоком и, с десяти лет помогая отцу на охоте, окрепла и могла бы дать фору любому пацану своего возраста или старше. Правда, если бы они еще были, эти пацаны, а то километров на «дцать» не то, что пареньков, вообще людей не увидишь. Заскочил летом путешественник, врач не врач, а только жизнь ему пришлось спасти его бабам. Благо ивановские шершни – те еще антидоты, да и похлеще адреналина любого будут. В общем, за последние десять лет это был первый живой представитель рода человеческого в их общине. Потом ушел по каким-то своим непонятным делам куда-то в сторону Москвы. А и леший с ним! Меньше народа – больше, как говорится, кислорода, да и своих кормить надо... а не пришлых.

Михаил Семенович Прохоров, известный всем в семействе как Отец, раздвинул кусты, за которыми прятался. Ну, где же Алекса? Она должна обойти небольшой пруд и из кустов с той стороны начать кидать в воду палки и камни. Напуганный таким образом мутант выскочит из воды и, надо думать, направится в сторону охотника. Тут-то его Семеныч и грохнет... Еще ни одна тварь не убежала, способ

охоты на эту амфибию уже давно освоен. За зиму у уцелевших вылуплялось потомство, которого хватало потом на все лето. Зимой, конечно же, водоем замерзал, и приходилось другими средствами искать пропитание. Но пока лед не сковал пруд, этот вид мутантов давал, по сути, деликатесное мясо на стол Отца, и семья питалась, как раньше не ели и в лучших домах Парижа. Таких лягушек у них точно не водилось. Раньше и свиней-то таких размеров не было. А тут... амфибия скорее пришлая, ведь радиации в этом районе нет. Может, и была, но развеялась со временем ветром и дождями. Да и первые десять лет Михаил не замечал присутствия голиафа в этом пруду. А вот откуда сей экземпляр «приквашал», поди разбери.

Прохоров занервничал, сжимая цевье охотничьего ружья МР-94, патроны к которому делал сам, благо отец и дед еще во времена СССР были заядлыми охотниками и впоследствии научили сына этому ремеслу. Дома же еще от довоенной жизни в избытке остались все ингредиенты для производства патронов. Что ни говори, а его семейство всегда отличалось запасливостью, и это после Катастрофы очень пригодилось. Многие бежали в поисках лучшего места, не понимая, что земля, не зараженная радиацией, – уже подарок в нынешних условиях, а он вот остался и приспособился, к нему девоньки неплохие прибились, хозяйственные. Ну и что, что много их на одного, но ведь как-то и с ними справлялся, и дети голодными не оставались.

С той стороны донесся визг. Александра! Сердце екнуло в груди: случилось что-то из ряда вон выходящее. Не раздумывая, Прохоров побежал на другой берег пруда. Приходилось нелегко, густой кустарник цеплялся за одежду – местами порванный ватник и заскорузлые, засаленные ватные штаны. Ноги в теплых армейских берцах спотыкались о корни.

Выверенный план по ловле лягух все-таки дал сбой. Надо потом подумать, что улучшить в тактике охоты, а сейчас нужно поторопиться. Огромные, в половину человеческого роста жабы были способны на многое. Широкая пасть, полная мелких зубов, перемалывала даже древесину, а как-то раз на глазах Михаила тварь утащила под воду огромного серого пса, предварительно выдавив из него жизнь мощным ртом, при этом смачно причмокивая. Видимо, поэтому серые твари семейства собачьих и покинули эту местность.

– Ах, ты... Курица недожаренная! – воскликнул охотник, уворачиваясь от языка, выпущенного в его сторону мутантом. Липкий розовый язык длиной три метра пролетел в считанных миллиметрах от лица и грохнулся в ствол березы, охватив

ее студенистой массой. Пока тварь втягивала язык обратно, Михаил кувырнулся, раздирая одежду о жесткие ветки ивняка, развернулся и всадил лягухе дробью с обоих стволов по очереди. Тварь накренилась набок, закатив глаза и так и не собрав язык в пасть. Он желейной массой растекся по земле, словно розовый слизняк.

Мужчина поднялся с колен, переломил ствол МР-94, достал патроны и дослал два в ствол, затем резко защелкнул ружье. И все это на ходу. Многие часы охоты натренировали тело, давно сделали движения Михаила автоматическими. Но сейчас он все равно торопился, в спешке чуть не споткнулся о корень, ведь на кону стояла жизнь дочери. А он очень любил свою семью. Всех трех жен и семерых детей, в том числе и немощного Алешку, который был старше Александры на два года, но ни телосложением, ни умом не блистал, а скорее, и вовсе был лишен последнего. Юродивый, безобидный идиот, никакой пользы не приносивший, но никому и не мешавший, и то ладно.

Алекса вновь закричала. Уже сильнее и дольше. В голосе прорезались истеричные нотки, видимо, организм устал сопротивляться.

– Держись, дочь! – тихо бормотал охотник в бороду, уверенно преодолевая препятствие за препятствием. И вот сквозь ветки ивняка увидел серо-зеленую тушу лягухи. И не одну! Первая тварь схватила языком девчущку, которая изо всех сил держалась руками и ногами за тонкую березу. А второй мутант как раз подпрыгнул ближе и уже раскрывал пасть, чтобы тоже «склеить» жертву.

Тут Михаил и выскочил из кустов.

– Эй, принцессы! Мать вашу! – рявкнул он.

Одна тварь, резко подпрыгнув, развернулась и выпустила приготовленный язык в мужчину. Но тот, зная повадки этих существ, уже перекатывался по притоптанной лягушачьими лапами земле. Прыжок, группировка, кувырок и выход в стойку на одном колене. Выстрел. Тварь еще жива и собирает язык. Второй выстрел – снизу вверх, в подбородок, чтобы точно повредить мозг.

Расправившись с одним животным, которое неподвижно замерло на месте, Прохоров повернулся к напавшему на Сашку.

– Отец! – надрывно крикнула она.

– Сейчас! – гаркнул он в ответ, чувствуя дрожь в руках. Оружие было уже переломлено, но патроны не лезли в стволы и падали на землю, руки тряслись.

– Отец! – было видно, что дочь держится из последних сил. Руки ее соскальзывали с дерева. Вот-вот тварь дернет ее к себе и сомнет мощными челюстями, попросту раздавит! Нет времени заряжать ружье! И тогда Михаил принял единственно верное решение. Он отбросил в сторону ружье, выхватил из ножен, привязанных к голени поверх ватных штанов, широкий армейский нож и прыгнул на лягуху. Одной рукой воткнул нож в основание языка – мутант запищал в диапазоне ультразвука. Другой рукой мужчина ухватился за верхнюю челюсть, потянул вверх, а ногой, как распоркой, стал отталкивать нижнюю.

Острые, как иглы, но короткие наросты на деснах тут же вспороли перчатку и кожу, но Прохоров не обратил на это внимания. Он вынимал нож и втыкал обратно, в розовый язык. Р-р-р-раз! Широкий взмах, чтобы поглубже вошло лезвие. Р-р-р-раз! Чтобы шире рассечь. Р-р-р-раз! Больше крови! Больше ран! Р-р-р-раз! Чтоб тебе пусто было, царевна, мать твою, лягушка! В остервенении Михаил просто оторвал язык рукой, когда рана стала слишком широкой и язык держался уже лишь на последней тонкой мышце. Лягуха от боли так сильно мотнула головой, что мужчина отлетел на несколько метров. Стукнулся головой о пенек и почти потерял сознание, но тут мутант прыгнул, и сто килограммов чистого веса навалились на охотника, выбив из него дух, но в то же время не дав впасть в забытие. Ярко-алая кровь капала на лицо и одежду, стекала ручьями на стылую землю, превратившуюся из-за падающего мокрого снега в грязь. Существо пыталось убрать отрезанный язык и захлебывалось кровью, но не прекращало попыток ртом захватить голову человека, раздавить в лепешку, смять. Руки Михаила скользили по слизистой коже твари, но не могли ни за что зацепиться. Ни скинуть, ни ударить, ни выстрелить. Нож куда-то отлетел при падении. Мужчина уже дышал с трудом, хрипло, помалу вбирая сжатыми легкими крохотные порции воздуха.

И тут донесся оглушительный выстрел, потом еще один. Лягуха на нем перестала двигаться, но самостоятельно скинуть ее Михаил не смог. Почувствовал толчки: дочь пыталась помочь отцу сбросить мертвую тварь.

И наконец, долгожданный воздух. Такой необходимый сейчас, такой живительный! И дочка прижалась к груди, слушает... Но в этом нет

необходимости. Михаил дышал самостоятельно, воздух с хрипом врывается в грудь, будто легкие скрутило в спазмах.

– Папа! Папочка! – Александра сидела рядом и почему-то плакала.

– Все норм, Алекс, – прошептал мужчина, – все норм! Что я говорил?

– Не распускать сопли.

– Никогда и ни в коем случае!

– Да, пап, – дочка вытерла слезы, размазав кровь по щекам. Лицо серьезное, а на губах – улыбка облегчения.

– Все норм, Сашка, все норм, – Михаил вновь откинулся в грязь. – Сейчас полежу чуток, и пойдем. Братьям и сестрам кушать-то надо.

– Ты лежи, отец, лежи, – Алекса, больше испугавшаяся за него, чем за себя, переводила дух. – Потерпят эти дармоеды чуток. Потерпят. Не помрут с голоду.

– Не говори так, дочь, – Михаил поднял окровавленную руку, которой мешал мутанту закрыть пасть, и положил на руку дочери. – Они – твои братья и сестры. Они – твоя семья.

– Знаю, отец. Но тебе отдых нужен. Ты – наш главный защитник и кормилец. Без тебя... – она прервалась, стараясь унять чувства, рвущиеся наружу, потом продолжила: – Без тебя, не знаю, что бы мы делали.

– Жили бы, Саш, жили бы...

Серые тучи медленно плыли на запад, уже окрашивающийся красным. Где-то там садилось солнце, настолько редко выходившее из-за туч, словно оно пряталось от людей, так сильно поглумившихся над Землей. Снег усилился. Крупные снежинки летели сверху, ассоциируясь у Михаила, лежащего на спине, со звездами, несущимися ему навстречу. Будто он – звездный корабль, улетающий навсегда из этой погрязшей в войнах Солнечной системы. Вот было бы здорово действительно свалить с убитой планеты! Вместе с детьми и

женами! И основать где-нибудь в миллионах световых лет отсюда новую колонию, новый мир построить, создать новое общество, где не страшно будет жить и, что самое главное, не опасно...

Эх, мечты... Они канули в небытие вместе с прежней жизнью, вместе со всеми фантастами, мечтавшими о лучшем мире, который не будет поражен ядерным ударом.

Михаил страстно любил когда-то фантастику, но никогда не думал, что пророческими окажутся книги о постапокалипсисе, а не, например, о космосе. И потом долго размышлял, за что провидение так жестоко подшутило над людьми, воплотив в жизнь сценарий самого страшного из фантастических допущений. Но, конечно же, он понимал, что виной тому – никакая не судьба, и не разгневанный бог, решивший наказать человечество, а обычные люди, которым доверили самое страшное оружие в мире. Они сами оказались палачами друг для друга... И для миллиардов невинных жертв.

Прохоров нехотя поднялся. Нужно уходить, так как уже вот-вот наступит ночь, а тащиться во тьме по заснеженному полю – та еще радость! Земля пока не промерзла, и падавший снег таял, превращая ее в жижу. Нет ничего изнурительней, чем тащить добычу по такой каше. Поэтому следовало поторопиться.

– Заряжай ружье, дочь! И посматривай по сторонам, а я пока займусь мясом. Нам четырех лап теперь за глаза на месяц хватит, а потом придумаю еще что-нибудь. Ну что, царевна-лягушка! Подавай сюда свою лапищу! Будем примерять на нее хрустальную туфельищу? Или сапог? Или то другая сказка? – он с сомнением посмотрел на жирную склизкую ляжку, а потом уверенно шагнул к мутанту.

Глава 2. Твари

Опять пошел снег! Погода в начале октября совершенно не радовала. Выпал бы уже и лег. Нет же, будет теперь валить и таять еще пару недель, пока, наконец, температура не позволит ему полностью накрыть землю и остаться на долгую зиму. А сейчас ветер и влажность просто сводили с ума: прокрадывались под

теплую зимнюю куртку и не хуже мороза забирали тепло. Слякоть мешала нормально идти, дорога превратилась в сплошную жижу. Иной раз приходилось с усилием выдирать обмотанные пакетами армейские берцы из гадкого месива. Но ничего, скоро можно будет согреться.

Софья Макаренко зябко потерла руки в перчатках-варежках. Потом протерла запотевшие горнолыжные очки, поправила респиратор и медленно пошла дальше. Впереди показался металлический каркас моста через Волгу. Еще немного – и девушка окажется в промышленной зоне Ярославля. Теперь надо стать незаметной. Настолько, насколько это вообще возможно. Ничего опасней банды, окопавшейся здесь, Сова, как называла ее в детстве мама, не знала. Но кроме людей, в городе могли находиться и звери. Этим всегда привлекает человеческое присутствие, тем более, большое скопление народу. Поэтому надо быть внимательнее. Любая трещина, подвал, выбитое окно могли означать опасность, а Софье обязательно надо было добраться до местной общины и расшевелить этот рассадник зла и агрессии... А смертельные танцы со зверями Сове были ни к чему.

Девушка внимательно осмотрела стоящие на том берегу здания – каждое окно, подъезд, проулок. Вроде никого. Она быстро, пригибаясь, перебегала от одного изъеденного ржой автомобильного остова к другому, если мост пустовал – старалась держаться огромных стальных ферм, пряталась за металлоконструкциями. Изгибалась, словно кошка, чтобы слиться с балками. Иногда проползала несколько метров, позволяя грязи налипнуть на водонепроницаемые штаны и куртку. Ничего, в городской серости станет еще незаметнее. Но потом придется накидку сменить: она, как зверь, переоденется в новую «шкурку», камуфляж цвета хаки исчезнет в рюкзаке, а новый, белый, скроет Сову от любых глаз.

Черная винтовка-снайперка крепилась за спиной: сейчас она не нужна, достаточно «Кедра-Б» и ПМ с глушителем, что висели на бедрах с обеих сторон, да армейского ножа, что отец подарил ей на десятилетие пятнадцать лет назад. Он один воспитывал дочь и сделал все, чтобы она могла постоять за себя в будущем. Человек, когда-то работавший в группе по борьбе с терроризмом, специалист по тайным операциям и опытный военный передал ребенку все свои знания и умения в этой области, ну, или почти все. И Сова выросла боевой девицей, с которой не всякий соперник сладит. Тяжелые, упорные тренировки изо дня в день закалили ее, сделали быстрой, ловкой, стремительной. Отец нарадоваться не мог, пока не...

Софья несколько раз стукнула по капюшону утепленной куртки, скрытой камуфляжем.

– А ну, хватит! Забудь, пока не отомстишь! А то развоешься сейчас на всю Ивановскую... ой, Ярославскую! – прошептала она себе. – Сначала месть, а уж потом поминки!

Мост выводил на правый берег Волги. Дальше дорога шла мимо однотипных административных и заводских зданий и разворованной давным-давно заправки. Пустырь позади нее зарос каким-то странным кустарником с сильно изогнутыми ветками. Брошенные машины разграбили, отвернув и отодрав все, что было можно, в том числе кресла и обивку. Но идти по улице Сова не собиралась. Город, хоть и выглядел покинутым, таковым не являлся. Она точно знала, кто здесь живет. Не зря умирающий отец ее дождался и на последнем выдохе сообщил дочери, кто они такие и откуда пришли. Опытного офицера застали врасплох, но он все же выпытал у своих мучителей ценную информацию. Исподволь, незаметно.

Сова перемахнула через трехметровый забор и всмотрелась в ряд производственных зданий. Вроде тихо. Хотя не факт, что пусто. Девушка вновь протерла очки. Длинные здания тянулись вдаль. Что ж, пожалуй, заходить внутрь не имеет смысла, мимо пройти быстрее. И незаметнее – забор тянется вдоль зданий. За ним можно спрятаться, и с верхних этажей домов на другой стороне дороги дозорные не увидят девушку. А насчет дозорных Сова была уверена. Столь мощная группировка обязательно выставляет сторожей, если только ее предводитель не полный идиот. Но идиотов в руководителях никто держать не будет. Софья пригнулась и быстро засемила вперед вдоль забора.

Девушка не знала точного местоположения бандитов, но, если понадобится, она готова была прочесать весь город вдоль и поперек, лишь бы не отказаться от мести. А не фиг было разрушать ее жизнь, тихую идиллию вдали от мразей, что наводнили послевоенный разрушенный мир. Значит, не зря ее отец готовил. Значит, была причина. Видимо, он знал многое или предполагал. Подготовка теперь не казалась бессмысленной, как раньше, когда Софья со всей остротой понимала, что мир разрушен, и на многие километры вокруг выживших нет. Но эти... как снег на голову свалились! И утопили в крови их с отцом тихий уголок в непроходимых лесах под Вологдой. Жаль, Сова в тот момент охотилась, а то вряд ли бандиты так просто отделались бы. Прежде чем умереть, отец забрал жизни троих. А будь Софья рядом? От банды в десять человек вряд ли что

осталось бы...

Забор резко ушел влево, что означало – территория завода закончилась. Девушка подпрыгнула, подтянулась и вгляделась в здания за забором. Цепкий взгляд выделил пустые окна и подъезды, разбитые витрины магазинов и перевернутые остовы автомобилей. Следов людей не нашла, зато увидела несколько девятиэтажек в паре кварталов дальше по дороге. Руки устали от собственного веса, и девушка спрыгнула обратно.

Отлично! С девятиэтажки можно оглядеться и высмотреть банду. Значит, туда!

Сова дала себе еще пару секунд отдышаться, а потом вновь подпрыгнула, перемахнула через забор и оказалась на улице.

Жуткими черными квадратами окон на нее недобро уставились когда-то жилые дома. Стало неудобно. Будто в каждом из этих окон спрятался бандит и теперь следил за девушкой. Софья понимала, что это самообман, но отделаться от этой мысли не могла.

Разбитые витрины магазинов доказывали, что в городе жили люди. Макаренко заглянула в окна одного из них – пусто, все, что можно было забрать, унесли. Даже полки для продуктов растащили и огромные холодильники. Для каких целей?

Софья пожала плечами и пошла дальше. Через полчаса блужданий по окрестностям девушка остановилась. До заветной девятиэтажки оставалось чуть-чуть. Всего-то перейти перекресток, заваленный грудой машин. Некто сложил их в виде баррикады. Видимо, когда-то давно здесь бушевали нешуточные войны. Девушка вгляделась в стену дома за машинами, и точно: вся она оказалась испещрена пулевыми отверстиями. Впрочем, как и кузова машин.

Но что бы тут ни происходило, оно осталось далеко в прошлом. Прямо посреди кучи металла росло дерево. Тонкое, молодое, оно извивалось среди окон автомобилей, пока не победило созданный руками людей памятник и не нашло путь к свету и небу. На глаз Сова определила, что березке лет десять, поэтому та война, что здесь бушевала, давно завершилась. Уж не в пользу ли тех ублюдков, что убили отца? Наверное, да... Отец, рассказывая о прошлом, давно лишил дочь иллюзий, что войны ведутся за правое дело. Обычно это не так.

Люди – жадные создания. Всегда боролись и будут бороться лишь за ценности, будь то земля, вода, рабочая сила или ресурсы, да хоть то же оружие! Чтобы обладать оружием, люди берут это самое оружие в руки и стреляют друг в друга... Ну, не ересь ли? Софья хмыкнула. А потом вспомнила. Те бандиты тоже за чем-то приходили к ним! Им, как и всем жадным людям, что-то было надо.

И отец приоткрыл завесу этой тайны. У них была фура, полная детей! Они катались по окрестностям и собирали мелких! Зачем? Сова много над этим вопросом думала и поняла одно: дети – это ресурс! Людской ресурс, а уж как его будут использовать, зависит от обладателя. Ум ее подсказывал лишь два варианта: рабы и воины. Детей легко обучить, им легко вложить в головы нужные мысли, их легко запугать и обдурить. И из детей, если правильно их воспитать, получатся идеальные работники или солдаты.

– Вот уроды! – Сова почувствовала, как глубоко внутри зарождается злость, которую трудно сдержать. Маленькие неокрепшие человечки! Как можно манипулировать ими? – Убью! Всех!

Но тут рядом с памятником что-то зашевелилось. Софья замерла. Потом медленно подняла «Кедр». Но зверь ее не заметил: слишком обильным был снег. Хорь вылез из-под обломков автомобилей, словно суслик, встал на задние лапы и присел рядом с баррикадой, осматривая окрестности. Благодаря коричневой шерсти он был похож на обычного медведя, но только на первый взгляд. Мощные длинные лапы с когтями-саблями делали эту тварь опасным хищником, не побоявшимся бы атаковать и медведя, который был в два раза больше него. На несколько секунд Муть – так называла Сова всех нетипичных, мутировавших зверюг – остановил взгляд на размытой фигуре Макаренко. Видимо, Софья показалась зверю неживой. Что ж, это было лишь на руку девушке.

Время шло медленно, словно и не шло вовсе. Софья продолжала стоять, не двигаясь, а хорь сидел на месте, оглядывая окрестности. Казалось, это никогда не закончится. Сова мысленно дико ругалась. Будь она у себя дома, давно бы пришила тварь. Но тут, где рядом могли оказаться бандиты, любой выстрел грозил выдать ее присутствие, даже из бесшумного «Кедра-Б» – наследия отца.

А время растянулось в вечность. Софья ждала, когда же тварь спрячется или ускачет куда-нибудь в поисках добычи, но никак не думала, что хорь будет почти неподвижно сидеть и высматривать жертву, – как и она сама. Это была какая-то странная до невозможности игра! Она ждет хоря, тот – еще чего-то, и

совершенно непонятно, что будет дальше. Но проигрывать в этой игре нельзя, как и менять правила. Нельзя, например, попытаться отойти под прикрытие здания: у тварей чрезвычайно острый слух, точно засечет – и атаки не миновать. И нельзя пока стрелять: вдруг где-то рядом отморозки? Хотя... Если хорь не слышит, то и отморозков в ближайшем квартале нет, если только не затаились, как она, в одной позе. Эта мысль обрадовала, ведь девушке уже надоело неподвижно стоять под порывами ветра и изображать елку, укутанную снегом. Холод забирался под теплую одежду, еще немного, и Софья выдала бы себя стуком зубов – настолько она уже продрогла. Еще и горнолыжные очки начал залеплять мокрый снег, уменьшая видимость. Так она дожидется того, что перестанет видеть, а это – верная смерть.

Сова очень медленно стала поднимать «Кедр-Б», пока тварь смотрела в другую сторону. Когда Муть поворачивалась, Макаренко замирала. Так продолжалось несколько долгих минут, пока хруст снега где-то справа, со стороны дороги, не насторожил Софью. Она скосила глаза, но у горнолыжных очков был слишком узкий угол обзора, и взгляд уперся в ободок с налипшим на него снегом. Но хруст не стихал! И девушка была вынуждена повернуть голову на звук.

От неожиданности она рефлекторно подняла руку с «Кедром» и открыла огонь: пока один «суслик» играл в «пересиди меня», второй незаметно подкрадывался к добыче. И это бы ему удалось, если бы не снег, которого намело по щиколотку. Он-то и выдал мутанта.

Рефлексы сработали вовремя. Девушка подалась назад и упала, одновременно выцеливая морду хоря, который, уже не стесняясь, в прыжке попытался достать Софью. Когти-кинжалы рассекли воздух в нескольких сантиметрах от ее лица. Упав, Макаренко тут же перекатилась влево, а на ее место свалилось тело твари с развороченной пулями мордой. Но Сова на этом не остановилась, ведь второй хорь уже мчался к ней, и когти-кинжалы готовы были порвать ее на множество Совушек. Девушка перекатилась обратно к мертвому мутанту и, выглянув из-за него, открыла огонь. Послышались тихие хлопки бесшумного «Кедра». Хорь споткнулся, поднялся и вновь споткнулся. И продолжил наступление, но уже медленнее, припадая на левую лапу и орошая красным снег.

С первого раза не получилось! А магазин пуст, и перезаряжать времени нет. Сова потянулась к ПМ, но он оказался прижат ее бедром к земле, время безумно ускорилось, а тварь была в нескольких метрах. Подтягивалась, цепляясь когтями за землю, и все ползла вперед. Софья вытащила нож. Закаленный армейский

клинок бойца из подразделения специальных операций хищно рассек воздух. Тварь в последнем рывке оттолкнулась и выпустила когти-кинжалы. Сова потянула на себя мертвого хоря, и когти живого проткнули его бездыханное тело, на мгновение увязнув. И этой секундной задержки Софье хватило, чтобы оттолкнуть труп зверя от себя и воткнуть нож в голову живой Муты.

Потом Макаренко вскочила на ноги и осмотрелась: нет ли рядом других подобных тварей, желающих напасть? Винтовку со спины она снимать не стала, но на всякий случай вытянула из кобуры ПМ. Улица оказалась пуста. Снег заваливал осеннюю жижу и ее следы. Это хорошо. Но тела хорей являлись ярким доказательством ее присутствия на чужой территории, и надо было что-то делать с ними, иначе любой вычислит, что зверюг убил человек, и поднимет тревогу. А Сове не надо было, чтобы во вражеском лагере знали, что где-то рядом шныряет некто неучтенный. Народ станет нервным, подозрительным... Того и гляди, будут стрелять во все, что движется, или снарядят поисковый отряд, с которым девушке не справиться. Они попросту загонят ее в угол, ведь это – территория бандитов, и им лучше известны здешние тайные тропы и схроны.

Сова быстро оттащила туши животных в соседний магазин и пересекла улицу, направляясь к заветной девятиэтажке. Впредь надо быть осмотрительней. Один – два – ладно, но со стаей Мутей девушке не справиться.

«ул. Чехова, д. 43» – было написано на табличке.

Поднимаясь по лестнице, Софья заметила, что квартиры пусты, обчищены кем-то. Значит, выжившие где-то рядом. Надо быть тише и незаметнее. Ведь сколько бы ни было у нее опыта и знаний, но люди, грабящие и убивающие других, не менее опасны. А в наличии здесь именно таких бандитов сомневаться не приходилось. Одна банда неизбежно подминает под себя другую. Именно так когда-то развивалась ситуация в Вологде: сильная община в течение нескольких лет подмяла под себя более слабую, но в результате боев ослабла сама, и исчезновение людей довершила агрессивная фауна. Остались только малочисленные банды мародеров, грызшиеся из-за каждой мелочи.

И отец предвидел это. Он задолго до стычек оскотинившихся остатков населения увел дочь в леса, научил драться и владеть оружием, охотиться и защищаться, а добывать оружие было несложно. Сова с отцом делали набеги на брошенные поселения. Отец внушил дочери, что не зазорно взять у мертвеца его

вещи. Да – вандализм, ну и что? Мертвецу вещи без надобности, а вот живым они могут помочь в трудную минуту и даже спасти жизнь.

Софья настолько привыкла к мертвым, что любой скелет не казался ей чем-то страшным, а лишь свидетельствовал о людской глупости и беспечности. Тела умников с непомерной гордыней теперь гнили, устремив пустые глазницы в небо, а потом белыми костями напоминали всем, что жизнь – это не легкая прогулка по доставшемуся им в наследство миру, где можно творить, что душе угодно, любые гадости и зверства.

Сова уткнулась взглядом в скелет в истлевшей одежде, прислонившийся спиной к лестничному ограждению. Челюсть давно уже отпала и затерялась в лохмотьях. А в черепе в подтверждение мыслей девушки зияло пулевое отверстие. В борьбе за блага люди готовы были уничтожить друг друга, не понимая, что важнее делиться и жить вместе, сплоченно. Эгоизм брал верх, а потом расплата настигала многих, кто не способен оказался отделить действительно важные вещи от сиюминутных.

Макаренко обшарила карманы мертвеца и пнула скелет. Тот ничего против не имел и с легким скрипом костей друг о дружку завалился набок. А Софья продолжила восхождение.

Но вот в лицо дунул холодный ветер, а в стекла очков метнулись крупные снежинки, тут же растаяв на теплой поверхности. Крыша девятиэтажки оказалась плоской, с частично занесенной снегом битумной поверхностью. Только шахты лифтов и вентиляции топорщились вверх квадратными пристройками.

Сова сняла со спины снайперскую винтовку и, присев, засеменила к краю крыши, огороженной невысоким бортиком. Осторожно выглянула, осмотрелась сквозь оптику и переместилась по периметру. И так еще несколько раз, пока не хмыкнула довольно в респиратор:

– Ну вот, твари, я и нашла вас!

В груди гулко запрыгало сердце: враг рядом, и чтобы извести его, понадобится очень много времени. Но девушка умела вести подрывную деятельность. Сейчас главное – все основательно разведать.

Глава 3. Слишком длинная ночь

Как умирает мир? В огненных цветах, распустившихся на местах взрывов ядерных ракет? Или с дождем, убивающим все живое и смешанным с пеплом из радиоактивных туч? Или растворяется из-за выпущенной на волю новой чумы, созданной специально, чтобы уничтожить любую органику? Всепожирающие бактерии поглотят все, до чего дотянутся, и гноем истекнут из всякого существа ли, растения ли... Так как же умирает мир?

Для шестнадцатилетнего Кольки и еще десяти детей в катакомбах Юрьева мир умирал величественно и страшно. Безумная и смертельная вакханалия длилась всю бесконечно долгую ночь и выгнала из катакомб всех взрослых, за исключением двух бабулек – Веры Афанасьевны и Зои Павловны. Теперь они вместе с детьми прислушивались к звукам крушения целого мира и самого города – надежды и дома для горстки выживших.

Взрослые, все как один, вышли на битву, когда бронзовые ворота пали и обитающая в окрестностях Юрьева живность хлынула за крепостные стены Михайло-Архангельского монастыря, пытаясь смять и уничтожить любого. Стаи серых падальщиков, смешавшись с городскими кошками, рвали людей, растаскивая тела по кускам. А неизвестные доселе крылатые твари, очень шустрые и прожорливые, налетали на человека скопом, не оставляя буквально ничего.

Реки крови текли, орошая стылую землю, обшарпанные стены монастыря и человеческие останки, разбросанные тут и там. Немногочисленные защитники проигрывали последний бой, звуки выстрелов раздавались все реже. Любая убитая тварь тут же уносилась ее же сородичами с одной целью – быть съеденной и раствориться в мире, где теперь растворяется все, словно тлен стал ужасной болезнью и заразил все вокруг.

Коле Ростову было страшно. Хоть в свои шестнадцать лет он уже претендовал на место в отряде стрелцов и даже начал проходить боевую подготовку, но то, что творилось снаружи, на его памяти случилось впервые. Звери словно с цепи сорвались. Нападали с остервенением и дикой злобой. Возможно, за то, что в

свое время немало их сородичей убили жители города, или просто все испортил Потемкин. Да и Ярослав с Митяем, которые не стали терпеть присутствия друг друга в столь ограниченном пространстве, как стены старого города...[1 - События описаны в романе «На краю пропасти»] Просто разодрались и подвергли людей, живущих спокойной жизнью, опасности. Какое они имели на это право? Коля в бессилии сжимал кулаки и старался не показывать крупной дрожи, сотрясавшей тело. Ведь дети не поймут: он – единственный здесь почти полноценный мужчина, и проявить слабость – все равно что признать себя трусом во всеуслышание. Остальным же не легче!

Десятилетний Ванька прижимался к старшей сестре Варьке. Она его обняла и сама вжалась лицом в костлявую спину братика. Боялась, и сильно! Хотя Колька и подозревал, что конфликт между сыном Воеводы и мутантом Яром начался из-за нее, но считал, что не имеет права осуждать девушку, которая в итоге выбрала настоящего человека, пусть и говнистого.

– Тихо, Вань, тихо, – приговаривала она, поглаживая брата по спине. Успокаивала, любила.

Тринадцатилетние двойняшки Олег и Ольга Карасевы тоже сидели вместе, но они прижали к себе двух семилетних девчушек – Аню Капустину и Вику Озимову, а меж ними притулился трехлетний Сема Шестаков. Мальчик вряд ли что-то понимал, но ему передался страх окружающих, а жуткий вой снаружи заставлял крепче вжиматься в тела других детишек. Как будто они могли защитить его от ужаса, спускающегося в катакомбы сверху, почти осязаемым туманом стелющегося по полу и липкими ручонками забирающегося в сердца детей.

Девятилетний Витя Соломин, одиннадцатилетний Руслан Озимов и десятилетняя Катя Шестакова сбились в отдельную кучку и разговаривали вполголоса. Видимо, что-то затевают, пострелы. Непуганые – все им в новинку, даже когда черная тварь выла под стенами Юрьева, они не боялись и всегда пытались прошмыгнуть в обзорную башню, за что неоднократно бывали отлуплены стрельцами.

Вера Афанасьевна и Зоя Павловна, сжимая калаши своими дряхлыми руками, охраняли детей с другой стороны решетки. А Колька задавался вопросом: случись что, смогут ли они защитить их? Но старушки держались уверенно и даже подбадривали друг друга – откуда в шестидесятилетнем возрасте и сила-то взялась?

– Слышь, Афанасьевна? – баба Зоя лихо тыкала локтем в бок своей напарнице, отчего та ойкала и отскакивала. – Ты это... Того. Первый тварь – мой! Ясно? А то костей не соберешь!

– Мы и так их скоро не соберем, старая! – ответила баба Вера. – Закусят они нами на славу!

– Ой, не пыхти, дремучая! Подавятся! Еще ни один тварь мимо Павловны-то не прошел! – несмотря на весь ужас ситуации, эти две бабульки не утратили сарказма и бодрости духа. Словно их не трогал гвалт, что доносился сверху. Коля слушал их и не понимал – ну как в такой страшный момент можно быть столь беспечными и бесстрашными? Они – как Витька, Руслан и Катька, которые думали, будто это игра, старушки вели себя, как дети. Вот правильно говорят, что с возрастом человек все глубже возвращается обратно в детство. Если не телом, то уж разумом точно. – Поймаю на мушку и в лоб весь мага?зин высажу!

– Да иди ты, Павловна... – парировала баба Вера. – Смотри, себе в лоб не всади! А то, ишь – амазонка! Боевая фурия!

– Ну, а че! – Зоя Павловна опять пихнула подругу локтем и потрясла оружием, пытаясь держать старенький АКСУ одной рукой, что у нее не получилось. – Все мужики после боя наши! А?!

– Ой!.. – прыснула со смеху Вера Афанасьевна, а потом картинно схватилась за сердце. – Ой, терминаторша прям! Ты погляди! Бабка-тысяча! Вся из жидкого металла...

Последние фразы Коля не понял. Казалось, они из какого-то другого, давно забытого времени. Запретного. И только старые люди могут помнить их значение. Станные фразы из странного мира, который Ростов никогда не знал. А может, и к лучшему? А то бы дурачился сейчас, как эти чокнутые старушки, не осознавая, что в опасности дети.

Парень переключил внимание на шушукающуюся троицу. И что они опять затевают? Шалость? Или что серьезней? Ну, почему нельзя чуточку взрослей относиться к опасности? Но, как оказалось, дети совершенно серьезно воспринимали ситуацию.

Переговоры шепотом прекратились, и Руслан в сопровождении Витьки и Катьки решительно подошел к решетке. Чумадые дети напустили на себя такой важный вид, что Коля чуть не фыркнул, но вовремя сдержался: можно потерять их уважение, если так неприкрыто смеяться над детскими решениями.

– Баба Вера, – стараясь придать голосу взрослой грубости, начал Руслан. – Мы тоже хотим!

– Чего это вы хотите? – встрепелась Вера Афанасьевна, развернувшись к прутьям ограждения, за которым сидели дети. А Зоя Павловна тут же вклинилась:

– И чего это сразу баба Вера? Может, я тоже здесь главная? – она уперла руки в бока и со всей строгостью посмотрела на детей.

Руслан вздохнул, а Катька с Витькой закатили глаза, словно показывая, как же сложно с этими взрослыми!

– Ладно, – друзья явно считали Руслана главным, и он взял на себя роль переговорщика. – Баба Зоя и баба Вера, мы тоже хотим!

– И чего это вы захотели? – бабушка Вера, недобро сверкая глазами, тоже уперла руки в бока.

– Мы тоже хотим драться! – заявил мальчик с серьезностью взрослого. – Мы хотим наверх, помочь старшим! Откройте клетку!

– Да, – кивнули Витька и Катька.

– Слышь, Афанасьевна, чего удумали? – Зоя Павловна оглянулась на подругу. – Наверх хотят! Помощью своей всех спасут! – потом она повернулась к детям, прижавшим лица к холодным прутьям решетки. – Ты вот, Руслан, чего можешь-то?

– Я... – вопрос застал Руслана врасплох. – Я... Стрелять буду... Раненым помогать!

– А можешь стрелять-то? – Зоя Павловна закусила верхнюю губу, потом продолжила: – Да и раненым чем поможешь?

– Что скажут, то и сделаю! – Руслан упорно гнул свою линию. – Я... мы просто хотим помочь! Чем-нибудь, только не сидеть здесь, как... – он на секунду замешкался, а потом произнес беспокоящее его слово, покосившись при этом на Колю: – Как трусы!

– Афанасьевна, объясни не трусу! – Зоя Павловна взглянула на подругу. – Ты ж у нас когда-то учительницей была.

Вера Афанасьевна вздохнула и повернулась к детям. Стараясь не травмировать детскую неокрепшую психику, она начала медленно говорить, подбирая каждое слово:

– Руслан, – она обращалась к мальчику, понимая – если объяснит ему, то и друзья согласятся. – Руслан, вы ничего не можете сделать, а будете только мешаться! Да, не спорь. Там, – она указала в сторону выхода из подземелья, – некому вам объяснять, что делать. Они еле успевают отражать нападения, и если они будут отвлекаться на вас, то проиграют точно!

– Ничего не проиграют! – упрямо ответил Руслан.

– Не перебивай! – Вера Афанасьевна приблизилась к клетке. – Если хочешь быть взрослым, то прими тот факт, что ваши родители вас сюда специально спрятали, чтобы защитить. И если мы погибнем, то клетка – спасет. Помогите же взрослым! Сидите спокойно, пока все не закончится!

– Но если вы погибнете, то некому будет нас спасать. Мы так и останемся в этой клетке! И сдохнем здесь! А звери будут ждать! И не выпустят нас! Откройте! Мы не хотим дышать тут! – он уже кричал и бил по прутьям клетки ладонями, а Вера Афанасьевна лишь закрыла глаза и словно постарела еще на десяток-другой лет. А потом прошептала – и ее услышал каждый ребенок:

– У нас нет ключей.

– Как? – опешил мальчик, остальные тоже удивленно посмотрели на бабушку. – Но... тогда... А как?..

– Как мы выйдем? – обеспокоенно спросил за него Витька.

– Придет время – узнаете, – лишь пожала плечами Вера Афанасьевна.

– Фигня какая-то, – Руслан вновь затряс дверь. – А если погибнут все? Как мы? Как мы выйдем?!

– Успокойся, Руслан! – громко и твердо сказал Коля, все так же сидя у стены. – Придет время, и ты все поймешь! А сейчас посиди тихонько, не мешай людям работать. Спасать твою жизнь.

– А ты почему не работаешь? – как-то зло бросил Руслан, отвернувшись от решетки, и пристально посмотрел на Кольку. – Тебе шестнадцать. Не стыдно быть здесь?

– Я делаю то, что мне велено, – Ростов лишь пожал плечами.

– Трус! Как Ярослав. Тот только сбежал, а ты... а ты прячешься! – резко крикнул ребенок и гордо прошествовал в самый темный угол, Витька и Катька пошли следом, видимо, полностью с ним солидарные. Ванька за пазухой Вари дернулся, словно от укола, и Коля понимал, почему: не так давно Яр был их приемным братом, а они предали его. В глазах Коли еще стояла ужасная картина суда, на котором Яроса обвинили в смерти Митяя, а потом приговорили к казни. Никто тогда не заступился, ни отчим, ни Ванька – а что с него, десятилетнего, возьмешь? – ни Варя. Боялись за свои шкуры. А потом понеслось все под откос, и Ярослав сбежал, а город остался во власти собравшихся со всей округи зверей.[2 – См. роман автора «На краю пропасти»]

Колька в ответ на замечание Руслана лишь криво усмехнулся: он примерно так и представлял себе реакцию детей, когда обсуждал со старшим возложенное на него «специальное задание». Но перспектива быть принятым в стрельцы досрочно обязывала парня держать язык за зубами и следовать принятому плану.

Варя Выдренкова подняла голову от плеча братика и понимающим взглядом уставилась на него. Она тоже здесь была не к месту. Но отец поругался со всеми и настоял на ее присутствии среди детей, несмотря на возраст девушки. Остальные восемнадцатилетние сейчас находились наверху и помогали в обороне города. Варя вновь спрятала лицо в одежде брата.

Свистопляска наверху продолжалась. Слышались вой и рык, крики боли, а фоном стрекотали автоматы. Маленький мир, в котором родились и жили дети, умирал под грохот оружия и рев мутантов. Измученным детям казалось, что слишком долго, но пусть лучше долго, чем быстро и безнадежно. Каждая секунда продленной агонии была для юных жизней на вес золота. Еще один вздох, фух – не последний! Еще один... Сердца трепетали в унисон. Боялись и, одновременно, кипели эмоциями. А битва наверху пошла на спад. Слишком много уже с обеих сторон погибло.

Глава 4. Обратного пути нет

Пока Александра с ружьем караулила, Михаил срезал несколько толстых прутьев ивняка, связал их вместе, и получилось некое подобие носилок. На них можно будет тащить добычу волоком по земле несколько километров до родного села Осановец. Потом отрезал у двух мертвых туш задние ноги и погрузил на импровизированные салазки. Взялся с одной стороны за шесты и поволок всю конструкцию по земле. Саша шла сзади и зорко оглядывалась по сторонам: в мире, в котором она родилась, ни в чем нельзя быть уверенной, опасность подстерегает на каждом шагу, даже из-под земли, может затаиться за любым деревом или принять совсем неожиданную для человека форму. Так научил ее отец, так она запомнила и так она и собиралась жить: подозрительно относясь ко всему, чего не знала и не понимала, с опаской – ко всему новому.

В начале осени, когда неизвестный мужчина на заплетающихся ногах пришел к ним в село, она чуть не размозжила ему голову. Но отец тогда оказался рядом и не дал ей выстрелить.

После она с удивлением и скрытым интересом наблюдала за новым в ее жизни человеком. Игорь Потемкин оказался неопасным, а при дальнейшем рассмотрении и вовсе добрым мужиком. Его болезнь протекала бурно и яростно

и непременно убила бы чужака, но отец решил раскрыть секрет ивановских шершней и целительную силу их яда. Незнакомец быстро пошел на поправку и покинул их навсегда. Но перед уходом он рассказал о своей семье, что погибла в Нижнем Новгороде пять лет назад[3 - См. роман автора «На краю пропасти»]. Рассказал с чувством, как любил жену и сыновей, и как горько оказалось потерять их. И столько в его глазах было боли, что Александра поклялась себе – она никогда не потеряет никого из семьи и не даст в обиду, защитит от любой опасности. И вот только что чуть не погиб отец. От страха у девочки так бешено билось в груди сердце, что она сама почти умерла. Или так в тот ужасный момент показалось. Даже сейчас, когда опасность осталась позади, Саша нервно содрогалась.

Михаил то и дело поскальзывался на остатках травы, иссушенных осенью, сопревших сейчас от влаги. Снег залеплял лицо, ухудшал видимость. Но охотник знал местность, как свои пять пальцев. Покатые поля, редкие кустарниковые леса и ложбины, что скрывали многочисленные речушки. Он тут родился и вырос, он провел тут всю жизнь, и, может быть, его здесь и похоронят.

Когда-то давно, а именно – двадцать лет назад, одним погожим летним днем дурость людей пересилила разум. Поехали танки, полетели самолеты, вышли в дальние походы корабли, ярость возобладавала над миром, и многочисленные жертвы ушли к праотцам. Но и этого оказалось мало: мир, построенный на краю нефтяной бочки, воспламенился. Вспыхнул, подобно газовому пузырю, миллионы лет копившемуся под землей. Полетели ракеты. Сотни, тысячи ярких цветов расцвели по всей земле, сжирая ее и все, что было на поверхности. Умирали люди, животные, плавился даже камень, огромные территории превращались в радиационные пустоши.

И только в местной глуши ничего не падало, не летало и не дробило дороги траками. Михаил тогда только дембельнулся. Село, тишь, благодать. Молодежь поумнее давно разъехалась в поисках лучшей жизни по большим городам. Мужики постарше, подражая друг другу, спились, женщины лишь мечтали о мужской ласке, сидя на лавочках и «поклевывая» семечки, а иной раз и пиво потягивая: такая она, женская доля в российской глубинке. Новоявленный солдатик оказался нарасхват. С утра до ночи молодой организм успокаивал бушующие гормоны, да так, что подруги были довольны, но друг о друге ничего не знали. Так и шла бы тихая жизнь ефрейтора Прохорова, если б не случился Апокалипсис.

Телевидение разом прекратило работу, радио, интернет исчезли из жизни простых работяг за один день. «МиГи» и «Сушки», разлетавшиеся над деревней, почти не беспокоили, ведь рядышком дислоцировался ивановский летный полк, и к летающим боевым птицам люди были привычны.

Лишь спустя сутки после Апокалипсиса до населения начало доходить – что-то неладно. Из уст в уста потекла информация: кто-то кому-то успел позвонить, сообщить о начале Третьей Мировой...

Доходило еще полдня, а потом народ засуетился, засобирался. Запаниковал. В поисках убежища, тихого и безопасного места, мирной гавани уехали все, кроме бабушек да Мишки, который понимал, что опаснее всего сейчас в больших городах и на военных объектах – там уж точно не защитят, наоборот, главные удары будут наноситься именно по ним. К удивлению молодого Прохорова, когда он вышел покурить на крыльцо, у одного уже околачивались три его возлюбленные, недоверчиво поглядывая друг на друга...

После бурного выяснения отношений и драк девушки без согласия незадачливого Мишки решили жить дружно и счастливо все вместе... с ним. В наказание. А не надо обманывать баб! Месть у них такая необычная, видите ли. Но на самом деле они умнее многих оказались. Ядерная война стерла население целой страны. Кто уехал – сгинули навсегда. Остались только бабки да Мишка с тремя девушками, единственный в селе, кто мог их и удовлетворить, и наградить потомством, и как охотник – накормить и защитить большую семью.

А Мишке по душе пришлось разнообразие. Поначалу, конечно. Это было необычно и ярко – делить ложе сразу с тремя женщинами. Но потом арабская сказка о султанине и куче жен превратилась в психологическую мелодраму-сериал, по накалу страстей и глупости не уступающую западным образцам жанра. Хотелось сбежать из дома подальше, но куда ж податься? Села и поселки пустые, люди ушли в города, в бомбоубежища, где благополучно и встретили смерть. А самому искать смерти не хотелось, потому Михаил раз или два в год исчезал из дома и бродил по опустевшим деревенькам просто так, ради отдыха от делящих его, любимого, жен. Все, что находил ценного, складывал на тачанку и тащил домой: в хозяйстве пригодится. И оказалось, что от подобных путешествий есть польза. Михаил до глубины души проникался в покинутых поселениях мрачными, безысходными мыслями, отчего с огромной радостью возвращался в приевшуюся семью и с новыми силами окружал баб заботой и любовью.

С постепенным взрослением всех членов семьи приобретался ценный опыт сосуществования в коллективе. Жены привыкли, агрессия, вызванная ревностью, сошла на нет. Наконец-то в семье воцарился мир, чему Мишка несказанно радовался, даже стал реже покидать родной дом в поисках тишины и спокойствия.

Потом возникла другая проблема: все первенцы, кроме одного, родились мертвыми. Видно, причиной были сплошные проливные дожди, которые вылили радиационную заразу на ивановскую землю. Жены были вне себя от горя, поэтому радовались единственному уцелевшему младенцу – Алешке. Но и он родился уродцем. Недоразвитым дебилом с речевой дисфункцией и неспособностью к обучению. Это выяснилось лишь через год, поэтому шанса освободить его от столь паскудной жизни не было: жены горой встали на защиту единственного сына и не дали отцу принять единственное верное в этой ситуации решение. Так и остался юродивый в семье. Потом родилось еще несколько мертвых. А потом – о, чудо! – появилась на свет Александра. А вслед за ней – еще пятеро детей. Теперь в семье было два близнеца – тринадцатилетние Андрей и Вадим, десятилетний Пашка и две дочурки: семилетняя Аня и шестилетняя Вика. И жизнь вроде потекла по намытому руслу: каждый знал свою работу, каждый понимал свое место и значимость для других. Кроме Лехи... Он все так же, как и в малолетстве, пускал слюни у печки, рассматривая картинки из детских книжек, которые Михаил насобирав по округе и которые уже давным-давно не читали другие дети. Алешка не умел работать и не помогал по хозяйству, не ходил с отцом на охоту, шатался тупым овощем из угла в угол по избе и понимал только слова «туалет», «кушать» и «спать». Сам же говорить не мог, а только мычал, когда что-то свое пытался донести до родителей. Пользы от семнадцатилетнего детины не было, впрочем, как и вреда, да и попривыкли уже все – родной как-никак.

Ветер усилился, завывая меж высоких тополей, давным-давно высаженных вдоль дорог, чтобы уберечь поля и посевы. Теперь же нечего оказалось защищать от ветра. Поля два десятилетия пустовали и начали покрываться порослью молодых тополей и берез. Пустошь через несколько десятков лет грозила превратиться в дремучий лес, что не могло не настораживать: вернутся звери, которые ушли давным-давно в более лесистую местность, поэтому нужно думать о новой угрозе и пытаться защититься от нее уже сейчас, а не ждать, когда грянет гром.

Прошло два часа – два тягостных часа непрерывного волочения носилок из ивняка. Ноги уже подкашивались и все чаще соскальзывали с кочек. Носилки вело от препятствий в сторону, и Михаила мотало. Но дом был уже близко: вот и ошетилившийся кольями забор вырисовывается на фоне открытой двери: внутри сеней светит путеводная лучина. Осталось забраться на пригорок, перейти дорогу, и – дом, милый дом...

Стоп! С какого перепуга открыта дверь?

Прохоров замер и медленно опустил носилки на землю. Тревожно защемило в груди сорокалетнего мужика. Что-то не так было с этой дверью. Ведь не зря же мужчина всегда требовал, чтобы она оставалась закрытой. Какое-нибудь случайно забредшее животное могло перескочить через заградительный забор из острых кольев и ворваться в избу. И что тогда будут делать женщины с детьми? Вот поэтому Отец постоянно, при любом удобном случае вдабливал всем, что дверь должна быть закрыта! Так почему же сейчас она распахнута настежь? Ведь нельзя столь легкомысленно относиться к своей безопасности в такое непростое время! Ну что за бабы!

– Дочь, – тихо позвал он.

– Да, Отец, – Алекса подошла бесшумно.

– Смотри. Ты тоже это видишь?

– Свет? Да! Они что? Дверь не закрыли? – девочка была поражена не меньше отца. – Они там с ума посходили, что ли?

– А черт знает! – пожал плечами Михаил, что, впрочем, в темноте было незаметно. – Слушай! Жди здесь, я пойду, проверю.

– Ружье возьми, – дочь попыталась вложить в руки отца оружие, но он оттолкнул.

– Тебе нужнее. Давай, смотри по сторонам, я быстро. Если что, у меня нож есть, – с этими словами Михаил бесшумно пошел к дому.

Типичная деревенская изба, стоящая на краю села Осановец, у дороги, разрослась за двадцать лет. Прохоров значительно расширил строение на будущее: три жены обещали принести довольно большое потомство. А Михаил не любил, когда окружение и жилье диктовали свои условия человеку. Да и не представлял он, как жены смогут ужиться в трех комнатах и не перегрызть друг другу глотки. Поэтому, когда появлялось свободное время, Отец разбирал соседние кирпичные и деревянные дома и надстраивал свою избу. В итоге одноэтажное приземистое здание сначала превратилось в двухэтажное, а потом и в полноценное трехэтажное. Причем надстройки, словно башенки у заморского дворца, вырастали с разных сторон верхних этажей, поддерживаемые снизу упертыми в землю шестами. Со стороны все сооружение выглядело, как карикатура на средневековые замки, имело неприглядный, а местами и совершенно уродливый вид, но Мишке некогда было наводить красоту. Главное – что стены справились с ядерной зимой, на несколько лет завладевшей миром. В доме оказалось тепло и хватало места всем. И женам, и детям.

Практичность Прохорова оказалась уместной. Жены ругались, когда мужик начал тратить время на бесполезную, по их мнению, ограду из кольев, торчащих наружу. Но Мишка отмалчивался и упорно строил заграждение. И оказался прав: остатки оголодавшего, озлобленного зверья со всей округи решили взять их обитель осадой. И бездумно бросались на колья, с особой тщательностью выструганные Прохоровым и подогнанные один к одному.

Обезумевшие хищники несколько лет осаждали дом, а Мишка не спешил снимать смердящие трупы с ограды: пусть твари запомнят, как умирали их сородичи, а скелеты послужат уроком на будущее. Этакое пугала для животных, напоминание о безрассудных попытках взять дом штурмом. В итоге все меньше зверей терпеливо ожидало добычу. Некоторые перегрызлись друг с другом, остальные ушли в поисках более легкой пищи, оставшихся же Михаил добил из охотничьего ружья, что тоже принесло определенную пользу их маленькому обществу. В то холодное и голодное время мясом убиенных тварей не брезговали. А Нинка, самая набожная из жен, еще и возносила хвалу Господу за ниспослание их семье благодати в виде исхудалого пса или плешивой кошки...

И стояла с тех давних пор в назидание нынешним и будущим животным агрессорам сия ограда. Стояла и никому не мешала, ни тварям, которые нет-нет да вновь бросались на колья, ни тем более Михаилу, он только заботливо протирал косточки, чтобы было видно издалека. А сейчас, при виде раскиданных в стороны кольев, Прохорова охватил ужас: целый сегмент забора просто смели,

растерзали в клочья. Словно катком – вспомнил мужчина давным-давно забытое слово – проехались. Или... бульдозером! И земля характерно изрыта траками!

Люди! Прохоров настороженно остановился, осматриваясь. Слабый свет из сеней едва освещал порог, но привыкшим к тьме глазам человека и этого оказалось достаточно. С места, где остановился мужчина, по теням и рельефу земли можно было представить примерную картину произошедшего. А именно: некий трактор на гусеничном ходу просто проехался по забору, раздробив и расшвыряв колья и проложив себе дорогу к дому. Причем в наглости пришлое можно было не сомневаться. Пришли, как к себе домой: без стука, без приглашения, и прямо «грязными ногами по ковру» – не пожалели усилий хозяина на создание забора.

Вот же-ж суки!

Михаил зло сжал в руке нож. Он не любил столь грубого вмешательства в личную жизнь, хотя и не отдавал себе отчета, что это вообще первое за двадцать лет вмешательство. Словно и не было этих лет. Будто вчера еще бился за право сильного с сослуживцами или с приезжими парнями – за девушку на улице.

Сжав от гнева зубы, а в руках – нож, он, не скрываясь более, пошел к дому. Это кто тут хозяйничает без него?! Судя по горевшей лучине, кто-то из женщин встретил гостей. А ведь не должны были. Ой, не поздоровится сейчас гостям! А в голове картины одна страшнее другой, а сердце в груди рвется, аки дикая птица в клетке... Прохоров аж саданул от ярости по попавшемуся на пути столбу, подпиравшему одну из надстроек. Ярость должна разгореться, а не только теплиться. Ей необходимо вспыхнуть, чтобы рука не дрогнула, чтобы в душе не осталось ни капли сомнения... Только твердость. Решимость. Злость.

Михаил всегда представлял момент, когда нагрянут в гости люди. Случайно ли, специально. После прихода Потемкина у него не осталось сомнений, что мир еще населен людьми. А из рассказа военного врача стало ясно: они все еще воевали. Эти кретины продолжали сражаться друг с другом и по истечении двадцати лет после последней войны! За что теперь? Впрочем, он знал ответ на этот вопрос. За самое ценное, что еще осталось в мире. За женщин, оружие, пищу. Хотя с пищей все просто: найди клочок чистой земли и выращивай еду. А с женщинами и оружием как раз наоборот – они последние, и за них будут глотки грызть друг другу. После прихода лекаря Прохоров был уверен: недалек тот день, когда люди ворвутся в их тихую жизнь. Но как это будет – не представлял.

Вывороченный траками забор не оставлял сомнений – люди пришли как агрессоры. А агрессоры могли принести только... зло!

Лучина еще горела. Нет сомнения, что разожгла ее Наталья – самая боевая из жен, и она же встречала гостей. Под ногами сыро. Что это темное? Просто грязная вода с улицы? Или же кровь? Брови сдвинулись. Если пришлые что-то сделали с женами... У мужчины непроизвольно вырвалось ругательство.

Михаила вдруг осенило: автомобиля перед домом уже нет, а значит – и пришлых тоже. Хотя... они ведь могли и засаду оставить. Чтобы не пугать возможную добычу. А значит, нужно что-то посущественнее обычного ножа. Хорошо, что Прохоров запасся на подобный случай. Он пошарил рукой в скрытой нише и выудил оттуда АКСУ. Когда-то давно в одной из деревень ему попался сгоревший БТР. Вокруг – лишь поломанные кости. Солдаты отбивались от неизвестных налетчиков, а те спалили машину и забрали все оружие. Но один автомат чудом сохранился. Видимо, выстрелом или взрывом оружие отбросило за колесо. Там-то не искали. И Прохоров обзавелся армейским автоматом с двумя целыми рожками патронов. Они оказались смотаны друг с другом скотчем. До сего момента ему не приходилось доставать АКСУ.

Михаил открыл внутреннюю дверь и, вскинув автомат, вошел в избу. Огоньки свечных огарков должны были мягко освещать помещение, но не тут-то было. Пришлые затушили все свечи и лучины. Спрятались? Но они бы уже напали, ведь силуэт мужчины перекрыл свет из сеней, и из темного помещения он был виден, как на ладони. Однако тишина казалась полной, лишь где-то тихо, глухо скулил Алешка. Что-то сильно напугало его.

Где все? Что тут происходит?

– Наталья! – крикнул мужчина во тьму, ожидая услышать ответ, но никто не откликнулся.

– Нина! Лида! Дети! Кто-нибудь! – молчание. Лишь Алешка завыл сильнее, но все равно как-то глухо, будто между отцом и сыном находилось препятствие. Печка! Точно! Слабоумный спрятался за печку! А где же остальные? Справа на столе должен стоять свечной огарок. Михаил медленно, ощупывая ногами пол, подошел к столу, нашарил огарок. Чиркнул зажигалкой – в свое время в другом поселке в заброшенном магазине он нашел несколько блоков столь ценных

приспособлений для розжига огня – и свет свечи еле-еле раздвинул тьму. Его явно оказалось мало для просторного помещения, но достаточно, чтобы рассмотреть часть деталей. Если бы пришлые остались здесь, то на Михаила бы уже напали. Поэтому Прохоров повесил оружие на плечо, поднял свечу вверх и вышел на середину комнаты. И чуть не упал, споткнувшись о большую кучу на полу.

Сердце зашло в груди, а горло сжало от предчувствия беды. Он аккуратно присел рядом и поднес источник света к куче. Слезы хлынули потоком.

Слабый свет озарил бледное, без единой кровиночки, лицо женщины. Обескровленные губы, открытые безжизненные глаза и струйка темной жидкости, засохшей в уголке рта. А на полу – темная лужа уже засыхающей крови.

Прохоров зажал свободной рукой рот, чтобы не закричать, но из горла все-таки вырвалось нечто, похожее на рычание.

Вот же-ж суки!

Он поднял огарок вверх и чуть дальше различил еще две бесформенные груды одежды. Тоже жены! Да что же это? Как же? Почему? Рой вопросов в голове сменился вдруг звенящей пустотой, словно по черепу ударили чем-то тяжелым. Вот и все: жизнь окончилась внезапно и бессмысленно. Жен нет, дети... Где же дети? Следовало взять себя в руки и разобраться, ведь во тьме не наблюдалось больше тел, да и Алешка где-то выл. Он-то живой! А где остальные? Прохоров поднялся и зажег все огарки и лучины по периметру комнаты. Она наполнилась мрачным, призрачным светом танцующих и коптящих огоньков. Три трупа лежали посреди помещения, а из-за печки показался Алешка – тощий семнадцатилетний пацан. Он, не переставая, жалобно скулил на одной ноте, трясся всем телом, а в глазах его читался непередаваемый страх. Но рассказать, что стряслось, юродивый не мог: просто не умел. Хотя ему, видно, было, что рассказать: около глаза наливался обширный синяк. Нападавшие явно били Алешку.

Михаил тяжело посмотрел в сторону сына, взял огарок и пошел проверять остальные помещения: вдруг кто-то успел спрятаться! Но нигде никого не было, лишь перевернутые кровати, распотрошенные шкафы и разбросанная утварь.

Бардак и разорение, и ни следа детей. Что же тут произошло? Детей нет, жены убиты, но не изнасилованы – это очевидно. А Алешку били – зачем? Допрашивали? Узнавали, нет ли еще кого? Если ушли, значит, не узнали! Иначе бы точно оставили засаду! Это их с дочерью шанс! Шанс незаметно подобраться к пришлым, настигнуть их внезапно и отомстить.

– Ах ты, дурак! – раздался снизу крик Алексы, очевидно, она зашла в дом и, увидев трупы, напала на Алешку, который не защитил женщин и детей.

– Урод! Кретин! Почему ты не спас их?! – девчонка почем зря лупила брата кулаками, а тот лишь съежился у печи и скулил еще сильнее. Михаил хмуро посмотрел на это, но ничего не сказал, а дочь, завидев отца, отстала от старшего брата и попыталась найти оправдания.

– Он... Он... Он... – начала Сашка, задыхаясь от слез, но не смогла продолжать. Отец лишь махнул рукой.

– Он недоразвитый и слабоумный. Что ты от него хочешь? – дочь лишь закрыла лицо руками. А Михаил прошелся по комнате, закрывая глаза женам. Что бы тут ни случилось, надо что-то делать. Пока он не увидел тел детей, они для него живы. Все, до единого. Значит, пришлые их забрали. С какой целью, сейчас не важно. Раз их забрали, надо их догнать и выручить. Или убедиться, что дети мертвы, и отомстить! Смерть своих жен он так не оставит! Раз посмели убить их, значит, пусть держат ответ! Он этим уродам еще в глаза посмотрит! Прохоров не заметил, как от злости так сильно сжал свечу, что она потухла, а огарок превратился в бесформенное нечто.

– Дочь, – позвал он, а когда Алекса опустила руки и посмотрела на отца, кивнул в сторону подпола. Слезы все еще струились по щекам. – Достань НЗ и выйди на улицу. Мне кое-что надо закончить здесь!

– Хорошо, отец, – кивнула дочь и принялась поднимать старый ковер в углу комнаты. Но потом остановилась, – что будем делать, пап?

Михаил помолчал, почесывая бороду, а потом, растягивая слова, ответил:

– Я их на деревья подвешу и буду медленно сдирать кожу, прижигая раны, чтобы кровью не истекли. Чтобы дольше боль ощущали... Я буду смотреть им в

глаза и видеть сожаление и раскаяние в том, что они совершили, но их жизнь будет платой за смерть моих жен! В ад они попадут только через жуткие страдания! Давай, Саш, не тяни время. Каждая секунда на счету. Мне не терпится воткнуть нож в одну из сволочей.

Алекса нырнула в темный подпол, выудила оттуда два туго набитых рюкзака и, оставив один отцу, вышла с ружьем в ночь.

А Михаил тем временем натаскал из комнат тряпье и сложил в одну кучу посередине. Осталось еще одно дело...

Прохоров подошел к немного успокоившемуся сыну и обнял его. Алешка зарылся лицом в теплую куртку отца, продолжая ныть. Михаил чувствовал крупную дрожь, колотившую пацана изнутри.

Прохоров крепче сжал армейский нож, а другой рукой – шею сына, и прижал того к себе, чтобы парень не отрывал головы от его плеча, чтобы, не дай бог, не посмотрел ему в глаза. Тогда не получится сделать задуманное. И, направив нож в грудь мальчишки, резко нажал. Алешка задергался в конвульсиях, попытался отпрыгнуть, но агония продолжалась недолго. Инвалид вскоре затих в объятиях отца. Прохоров вытянул нож, обтер его об одежду сына и спрятал. Потом положил тело на деревянный пол. Вытер рукавом не унимавшиеся слезы и поджег груды тряпья, затем, не оглядываясь, вышел со вторым рюкзаком.

Старенький механический фонарик зажужжал в его руке, выхватив из тьмы дочь и следы транспортного средства, что разрушило забор.

– Мы уходим, – хмуро буркнул Михаил, осматривая следы. Направление движения транспорта оказалось легко определить.

– А Алешка? – спросила Алекса, нервно переминаясь с ноги на ногу.

– Он остается, – выдавил из себя отец. – Ему с нами тяжело придется...

– Ты что? – воскликнула Саша. Она вдруг поняла все. – Ты что сделал?!

– Он бы не выдержал и стал обузой, – словно оправдываясь, ответил отец. А дочь метнулась к нему и принялась бить, куда попало.

– Он мой брат! Он твой сын! И ты его!.. Ты его... Ты! Ты! Ты! Как ты мог?!

Прохоров перехватил ее руки и прижал к себе. Крепко-крепко. Так, чтобы у вырывающейся девочки не осталось возможности шевельнуться. Пусть уж она сейчас испытает эти эмоции и перегорит, чтобы голова в будущем оставалась трезвой и ясной. Александра ревела уже во весь голос, но вырываться перестала. До нее потихоньку доходила неудобная правда, а отец тем временем гладил девочку по волосам.

– Иначе мы не спасем других, – твердил он. – Алешка – обуза и задержал бы нас, и это могло бы навредить остальным. Понимаешь? Тогда у нас не осталось бы надежды спасти детей и отомстить за матерей! Понимаешь? Так лучше! И для нас, и для него! Пойми, дочь, он давно устал жить! Да и не жил он... только мучался! Прости меня, если сможешь, дочь. Прости, прости, прости...

Алекса молча отошла и поглядела на разгорающийся дом. Погребальный костер. Так, кажется, в книжках описывался ритуал сожжения предводителей викингов, когда те отправлялись в Валгаллу. Старый дом недолго сопротивлялся огню и через мгновение вспыхнул, как спичка. Огненный столп оповестил окрестности о гибели людского поселения. Дочь повернулась к отцу.

– Все нормально, – тихо сказала Александра. – Давай разыщем этих уродов!

– Пойдем, Саш, – кивнул Михаил, и дочь с отцом скрылись во тьме, лишь свет фонарика еще долго скакал по дороге.

Глава 5. Орден нефтяников

Сова поудобней присела за скрывающим ее бортиком, сняла со спины СВДС черного цвета с оптическим прицелом и глушителем-пламегасителем. На всякий случай выщелкнула магазин на десять патронов калибра 7,62, проверила и вставила обратно. Потом девушка сдвинула на лоб горнолыжные очки и

приложила к окуляру оптического прицела. Для начала надо разведать обстановку и местность, на которой она будет осуществлять подрывную деятельность против врага. Против убийц отца, уточнила она себе. Так было понятней, и ярость не гасла, а, наоборот, усиливалась. Никакой пощады убийцам! Никакого, мать его, милосердия! Только смерть и месть. Месть и смерть. Софья заберет у них то, что они не оставили отцу. Жизни! Их жалкие и никчемные жизни! Кроме...

Но не прямо сейчас. Для начала Софья подготовится. Она станет для них неуловимым ангелом мести, забирающим в день одного-двух человек, нагонит на город страх, пока они не спрячутся от ужаса в своих конурах, а потом... потом она разнесет тут все к чертям собачьим! И выведет всех-всех детей, которых обнаружит! Негоже маленьким человечкам учиться у убийц. Негоже. Не для этого мизерная часть людей выжила, хоть и раскидало теперь их по огромному пространству опустевшей страны.

Макаренко осмотрела поселение. Огромная территория железнодорожного вокзала была огорожена толстой сеткой-рабицей, но еще на дальних подступах из земли торчали острые внушительные колья, местами окрашенные бурым. Кое-где с них свисали гниющие туши каких-то лохматых животных, возможно, хорей. По верху сетки и меж кольев пропустили колючую проволоку, не жалея. Через каждые пятьдесят метров торчала обзорная вышка с караульным и мощными прожекторами.

– Эк окопались, уроды! – прошептала Сова, продолжая осмотр. – Но охранять и в самом деле есть чего!

А караулили они многочисленные железнодорожные составы с мазутными и нефтяными цистернами. А также... Газ? Спирт? Бензин? Какая-то химия? Похоже, в цистернах было и то, и то.

– Ого! – вырвалось у Совы. – А вы, уроды, мало того, что богачи, так еще по округе шляетесь да народ обираете! Нехорошо! Ой, плохо!

Прямо у одноэтажного вокзала полукругом стояли жилые бараки, из труб которых валил черный дым. Видимо, жгли мазут, чтобы отапливать помещения. А еще перед ними находились несколько вполне целых транспортных средств. По очертаниям Сова поняла, что именно там припарковано – отец когда-то

показывал картинки. Тут было и несколько черных «хаммеров», и, кажется, «хонда», а также пять снегоходов и еще какие-то автомобили. Все были оборудованы пулеметами. Возможно, имелись и собаки. В следующие пару дней надо будет высмотреть все нюансы.

– М-да... Непросто будет с вами воевать, – присвистнула девушка, продолжая осмотр.

Немного погодя Сова мысленно нарисовала план поселения и спустилась вниз. Сейчас надо было отдохнуть и подумать. Девушка в дальней от вокзала части здания нашла помещение, окна которого выходили на другую улицу, и обошла соседние, собирая жалкие остатки мебели. Разломала. Чтобы ее не заметили с улицы, длинным листом фанеры прикрыла окна, из остальных с помощью сухого льда и спичек разожгла костер. Расстелила полусгнивший матрас рядом и уселась готовить ужин.

С помощью нехитрых манипуляций из трех шампуров девушка соорудила навес, куда подвесила тощую тушку зайца, убитого по пути. Потолстеть сейчас – это умудриться надо. Время такое: либо ты, либо тебя. Хорошо хоть, кролик не понял, откуда пришла смерть, а то б набросился. Сова потом еще долго выдирала пассатижами из пасти Мути ядовитые зубы – слишком крепко сидели в челюсти, не чета человеческим: их-то чуть стукнешь кулаком – месяц шатаются.

Макаренко положила рядом с костром ржавую железку и пристроила на нее перчатки-варежки и толстую вязаную шапку, которые успели отсыреть в течение дня. По плечам ее рассыпались русые волосы. Девушка собрала их в хвост, как смогла. Запах жареного зайца уже плыл по комнате, вызывая зверский аппетит. Софье не терпелось отодрать тощую ногу и погрызть жесткое мясо, но она сдерживала себя: в сыром мясе могли оказаться паразиты. И тогда Сове никто не поможет: не те уже нынче паразиты – выжрут внутренности без остатка. Тоже мутировали, стали агрессивней.

Наконец жаркое сготовилось. Софья достала из рюкзака маленькую стеклянную баночку с солью и принялась жевать жесткое мясо. Не свинина, но лучше, чем крысы. Приятнее. Да и заразы внутри меньше. Крысы же – как помойная губка, жрут все подряд, включая тухлятину. Макаренко поморщилась. Какие-то неправильные мысли. О диверсии надо думать, а не о всякой чепухе.

Ну, для начала – обойти близлежащие постройки и найти места для снайперских схронов, откуда можно будет убивать по паре человек, и лучше начать с собак, если таковые есть. Далее – посмотреть, что можно сделать с цистернами. Мазут просто так не запалишь, даже если внутрь емкостей кидать спички, нужно коктейль Молотова готовить. А вот со спиртом, бензином и газом проще... только надо умудриться не оказаться в эпицентре взрыва: слишком велик риск подорваться самой. Есть пластид, немного. Но, если разделить его, взрывчатки и взрывателей хватит на несколько цистерн. В качестве отвлечения внимания подойдет. Чтобы спалить все – нужно что-то большее.

Итак, она будет раз в день отстреливать по одному-два-три человека. Тут же менять местоположение, замата следы: для этого очень кстати была бы снежная, ненастная погода... Потом отсиживаться несколько дней в схронах – их тоже надо найти и оборудовать, чтобы не попасться. Далее – опять отстрел бандитов и отсидка. Потом можно устроить красивый фейерверк. Чтобы не скучали и бросили все силы на тушение пожара, чтобы выдохлись... А потом все заново: отстрел, отсидка, взрывы.

Они будут торчать по своим баракам и трястись от ужаса! Конечно, побегают сначала, облавы устроят, но Сова спрячется, и никто не найдет. А нефиг убивать офицера подразделения специальных операций! И злить его дочь!

– Вы еще попляшете, ублюдки! – Сова так сильно сжала заячью кость, что она хрустнула. Тогда девушка сбросила остатки ужина в костер и легла на бок. Пока догорит костер, Макаренко уснет. А утром еще раз, на свежую голову осмотрит местные достопримечательности. Даже какой-то памятник рядом с вокзалом может сгодиться. Любое дерево, канава, разрушенное здание – все сейчас на руку мстительнице, главное – правильно рассчитать шаги.

Софья медленно проваливалась в сон, она была спокойна: специальная растяжка, оставленная двумя этажами ниже, не даст никому бесшумно подобраться к Макаренко. Ни зверью, ни тварям в людском обличье. А под рукой уютно лежал «Кедр-Б» – любой вошедший сразу же столкнется со смертельным шквалом пуль. На улице уже стемнело, а завтрашний день обещал много открытий. Поэтому девушка в предвкушении строила все более расплывчатые планы, они множились и становились все ужасней и ужасней: сознание начало свою игру с подсознанием, а потом Сова забылась беспокойным сном.

Где-то недалеко справа крякала утка. Спустя мгновение слева ей отвечала другая. И только Сова чувствовала еле заметное отличие искусственного звука от крика настоящей утки. Да в лесу сроду и не водилось уток. Пышная растительность скрывала от глаз дилетантов-пересмешников, но и Софью от них – тоже. Юной и хрупкой девушке проще было затеряться среди листвы, чем ораве мужиков в зеленых масках, которые по неизвестной пока причине объявили на нее охоту, изображая уток. Но ей, видимо, придется охотиться вместо них. Двадцать с лишним человек «перекрякивались» друг с другом, надеясь, что у девушки от такого обилия дичи «сорвет крышу», и она попадет в смертельный капкан. Но это был ее лес. Знакомый с детства, опасный, но давно прирученный юным подростком лес. Сова знала зверей, их повадки, знала растения и деревья, к которым подходить нельзя, иначе не поздоровится. И знала безопасные тропы: звери и растения делили места охоты между собой, и если разбираться в них, можно беспрепятственно пройти через лес.

А эти... «охотнички» совсем с катушек съехали. Кто ж так ломится сквозь враждебный мирок, который может оказаться не по зубам чужаку? Тем более, если переть напролом толпой, не признавая законов, царящих внутри замкнутой экосистемы.

Вот одиночный «кряк» резко оборвался, сменившись вдруг воплем агонизирующего мужчины. Судя по направлению и дальности, там обиталище рыси, а она гостей не любит. Вернее, любит, но только на закуску. Рядом еще несколько раз нервно «крякнуло», видимо, обеспокоились соратники, но ответа так и не дождались. Рысь не церемонится, вцепляется в глотку и утаскивает жертву в логово.

Сова подождала несколько минут и удовлетворенно услышала еще один гортанный хрип: рысь запасалась впрок. Минус два. Тут же обеспокоенно «закрякали» сразу с нескольких сторон, очевидно, не понимая, что происходит. А на самом деле лес начал смертельную игру с ворвавшимися в его спокойную жизнь бандитами, не имеющими понятия, как с ним общаться.

Софья присела, когда метрах в двадцати раздался истошный вопль, а за ним – беспорядочная автоматная очередь. В дереве рядом выбила отверстие пуля, а остальные пронеслись веером над головой. Неподалеку что-то булькнуло и захрипело: видимо, стрелявший зацепил своего. И зацепил смертельно – нечто тяжелое повалилось в кустарник, ломая ветки.

Минус четыре. Судя по месту, откуда донесся крик, стрелок попал прямо в пасть подземного хищника. В такую круглую воронку в земле, утыканную острыми зубами-шипами. Опавшая листва скрывает до времени хищника, а наступивший сразу же лишается ноги. Потом тварь медленно затягивает его в воронку, поедая кусками. И правда: жуткий крик не прекращался еще долго, пока человек не лишился сознания от болевого шока.

По сути, Сове и делать-то ничего не надо, просто спрятаться и дожидаться, пока лес убьет непрошенных гостей. Правда, один изъян в ее схроне был: укрытие находилось на пути одного из бандитов. Но и для него у Совы нашелся сюрприз. Как раз напротив прижавшейся к дереву девушки плавно раскачивался бутон огромной венериной мухоловки, охотившейся, пожалуй, уже не только на мух, но и на все живое, размерами не уступающее человеку.

Первым показался АКСУ, и Софья не стала дожидаться, когда мужчина поравняется с ней и увидит девушку. Макаренко выпрямилась, с оттягом стукнула врага по лицу ногой в тяжелом ботинке. Отец с детства настаивал, чтобы дочь тренировала растяжку ног, и она слушалась, терпя невыносимую боль, когда отец помогал ей, весом своего тела надавливая на ее плечи. С тех пор, как Сова поставила еще и удар, она могла делать ногами невероятные махи, которых от нее никто не ожидал. Раздался хруст ломающегося носа, и бандит начал падать назад. Но Софья не дала ему упасть, а, удержав за руки, отправила его в другую сторону. Раскрытая пасть мухоловки приняла добычу и сомкнулась, пронзая бандита острыми шипами. Человек дернулся, выныривая из обморока, и заорал. Его вытаращенные глаза смотрели прямо на Сову с неописуемым страхом и некоторым удивлением: девушка? Девушка, мать вашу?!

«Да! Девушка! А почему бы нет, мать вашу?!»

И Софья хищно ухмыльнулась, выставив вперед руку и показав умирающему противнику кулак с торчащим средним пальцем. Он лишь заорал сильнее – мухоловка сдавливала, словно тиски. Захрустели кости, и бандит вновь потерял сознание из-за болевого шока.

Вновь «закрякали», пытаясь вести перекличку, но вновь не досчитались бойца: минус пять. Сколько их еще осталось? Сова попробовала сосчитать, но сбилась где-то на десяти. Что же это за облава такая? Почему ее ищет и окружает целая толпа бандитов? Хотя ответ она знала – отец предупредил.

Макаренко скользнула мимо поглощавшего мужчину цветка – надо опередить окружающих ее охотников и выйти из кольца. Чуть дальше должна быть просека: засесть на другой стороне и «снять» первых выскочивших на открытое пространство бандитов. Главное – успеть пересечь это пространство до них.

Вот и просека... Черт! Впереди замаячил силуэт мужчины: не успела. Бандит шел вперед, не оглядываясь. Значит, пока не знал о Сове, и это хорошо. Она огляделась и справа, сквозь просветы среди веток, увидела еще одного. Он иногда поглядывал в сторону своего напарника, как бы проверяя его наличие. И если Софья атакует одного, второй непременно нападет. Надо действовать быстро.

Макаренко вытащила нож из ножен, укрепленных на ремне сзади. Первым будет постоянно оглядывающийся мужчина. Он опаснее. Она побежала к впереди идущему и, лишь только в просвете замаячило лицо второго, метнула нож. Он вошел четко в горло. Бандит захрипел слишком громко и упал. Впереди идущий остановился, удивленно уставившись в сторону убитого товарища, тратя драгоценные минуты.

«Тормоз».

А Сова уже сократила дистанцию до жертвы. Как только бандит понял, что случилось, он начал оборачиваться, поднимая автомат. Но Софья оказалась проворней. Одной рукой оттолкнула автомат с линии стрельбы, другой врезала по кадыку жертвы. Мужчина захрипел, пытаясь вдохнуть, но сломанный хрящ только еще больнее врезался в плоть. Затем Сова ударила в пах и, когда бандит от боли упал на колени, нанесла удар сверху вниз – ногой в голову. Шейные позвонки мужчины просто лопнули от удара. Бандит замертво рухнул в траву, а Софья быстро перебежала через просеку, нырнула под кроны деревьев и кустарников и... чуть не угодила в паучью сеть. Вовремя увидела почти прозрачную паутину, висящую меж двух деревьев. Где-то должен быть и паук. Ага: слева, на дереве, в сотканной из паутины и защищенной листьями «норке». И находится его домик как раз с этой стороны паутины. План созрел сразу.

Софья осторожно обошла паутину, встала за ней, чтобы была видна просека, и отломала палку. Приготовила «Кедр-Б» с глушителем. Еще несколько секунд, и на просеку выйдут враги. Надо быть быстрой, чтобы не оказаться на линии огня. На просеке появилось пять человек. Все в одинаковых зеленых камуфляжных накидках. Идут цепью, с дистанцией в пару метров. Что ж, удобно.

Она ткнула палкой в центр паутины, поглядывая на домик паука. Прочная сетка содрогнулась, завибрировала. Показались паучьи лапки, но сам он не спешил выглядывать, будто оценивал ситуацию. Люди на просеке уже прошли половину открытого пространства. Пора действовать.

Сова ткнула палкой увереннее, прокрутила ее пару раз, чтобы намотать паутину, и потянула на себя. От такой наглости паук мигом выскочил в центр сетки, чтобы проверить, что за безумец шурует в его владениях. Такой сине-зеленый красавец размером в две ладони, с ярко-красным крестом на спине. А Софья все тянула и тянула, пока нить, соединяющая паутину с палкой, не оборвалась. Получилось подобие пращи, только из экологически чистых материалов: паутина и паук, где паук выступал в качестве снаряда. Неизвестно, был ли паук доволен такой ролью, но когда он приземлился на лицо центрального бандита, раздался вопль боли и ужаса. Мужчина заметался по просеке, пытаясь скинуть с себя ошалевшее и опасное существо, а соседние бойцы сгруппировались рядом, опасаясь приближаться.

Ну вот, сбились в кучу. Настало время «Кедра-Б». Сова прицелилась и короткими очередями сняла сначала двух слева, потом – двух справа. Занятые вопящим товарищем, они и не поняли, что по ним стреляют. Бандит же, боровшийся с пауком, спустя несколько секунд упал сам. Мутант все же оказался ядовитым.

Зато из леса напротив ее засекли. Открыли огонь, и Софье пришлось быстро отступать в чащобу, пригибаясь. Вокруг свистели пули, выгрызая из стволов деревьев щепки и сшибая листья, которые медленно падали, кружась, но Сова, перемещаясь быстро, была уже в другом месте. Она, словно черная пантера, гибкая и юркая, скользила меж деревьев и растений-паразитов, избегая наиболее опасных участков леса. И по широкой дуге возвращалась обратно к просеке, воплощая в жизнь очень простую идею, подсказанную отцом: делай то, чего противник от тебя не ждет. А бандиты явно не ожидали, что жертва решит вернуться прямо в руки загонщиков. Макаренко же словно лишилась ума: бежала теперь навстречу крякающим и наобум стреляющим бандитам. На фоне светлой просеки их силуэты выделялись слишком четко. Человек пять или шесть, идущие все так же цепью и особо не прячущиеся: жертва одна, а их по-прежнему много. Зачем прятаться? То ли Сова уже убила их командира, то ли тот оказался совсем-совсем тупым. Но в тупых командиров Сова не верила. Поэтому, скорее, верно было первое предположение, ведь противник оказался дезориентирован и действовал глупо.

Прежде, чем враг понял, что случилось, Сова остановилась среди густой листвы и из бесшумного «Кедра» сняла еще трех. Оставшиеся запаниковали, не понимая, откуда ведется огонь, беспорядочно стреляя во все стороны. Их сковал ужас: неизвестная смерть унесла жизни почти всех товарищей, так и не выявив себя. Они не понимали, что делают в этом лесу, ведь только командир знал причины и цель, а он погиб почти первым, от когтей рыси. Макаренко отступила, обегая охотников с правой стороны, полагая, что их осталось двое. Так жестоко она еще не ошибалась.

Справа что-то быстро мелькнуло, и Софья не успела среагировать, когда ее настиг сокрушительный удар в лицо. Неожиданно выскочивший из-за широкого ствола ели кулак столкнулся с мчащейся навстречу девушкой. Инерция подкинула ее в воздух, словно пушинку. Сова упала на спину, почти потеряв от боли сознание, кроны деревьев расплылись вверху, почти слившись воедино, в одно темно-серое пятно, и еще кто-то огромный шевелился, нагибаясь над поверженной девушкой. Она же не могла дышать носом от боли, отчаянно хватая воздух ртом. Видимо, нос был сломан, его наполнило что-то теплое и терпкое, пытавшееся заполнить и гортань. Как бы ей не захлебнуться теплой, обильной собственной кровью.

Но ее тут же подняла вверх неведомая сила, и гортань освободилась: Сову пробил кашель, и сгустки крови ошметками вылетели прямо в бородатое лицо здоровяка, сбившего девушку с ног и теперь поднявшего ее и прислонившего к стволу ели. Кровь тут же хлынула носом, оставляя на подбородке ярко-красный след. Макаренко попыталась помотать головой, чтобы сбросить с глаз темно-серую пелену, но не смогла: широкая ладонь крепко удерживала ее шею в одном положении.

«Попалась... Отец не одобрит.»

Бородатый бандит стер с лица ее кровь и крикнул, казалось, на весь лес, совершенно никого не боясь:

– Эй, стрелялы, вашу парашу! – но его товарищи все еще палили в кусты, перезаряжая автоматы.

– Эй, кретины! – гаркнул он на сей раз во всю мощь легких, что, наконец, привело бандитов в чувство. Они прекратили стрелять. – Сюда прискакали! Я

покажу вам, вашу парашу, кто вас уложил, словно котят беспомощных. Вояки, вашу парашу!

А сам тем временем с немим восторгом в глазах разглядывал обездвиженную девушку, держа дистанцию. Обездвиженная – не значит неопасная. Уложившая столько бойцов, она может еще доставить неприятности.

– Ну что, сучка? Теперь поговорим? – прошипел бородатый, с каким-то неприятным удовольствием сдавливая ее горло, но потом вновь ослабляя хватку, чтобы девушка не задохнулась прежде, чем ее допросят.

Пелена перед взором спала, Сова, быстро-быстро моргая, разогнала туман в глазах. Перед ней стоял настоящий великан. Ростом под два метра, широченные плечи, надо думать, что и мускулы под одеждой тоже нехилые, а лицо – как камень, обточенный ветром и ударами. С таким не разберешься быстро, а то и вовсе погибнешь, если моментально не решишь, как его убить.

Из-за кустов уже выходили остатки маленькой армии, что пришла в этот день по душу Макаренко. Измотанные, испуганные, эти двое во все глаза таращились на хрупкую, казалось бы, девушку в зеленом комбинезоне, а на их лицах застыло удивление и немой вопрос: вот это уничтожило толпу мужиков?

Бандиты были с оружием. Но от удивления и шока, и, видимо, веря в силу своего пособника, что схватил Макаренко, держали его опущенным, что было только на руку Сове. И она не стала тратить время попусту.

Девушка изо всех сил вцепилась в руку бугая, одной ногой уперлась в живот врага, а коленом второй в невероятном па ударила его в подбородок. Еще раз! Еще! Хрустнули лицевые кости. Еще раз! Пока бородач не замычал от невыносимой боли и не разжал руку, а потом и вовсе схватился за лицо. Кровь брызнула во все стороны, а боль заставила огромного детину упасть на колени, почти теряя сознание от шока.

Сова уже стояла на ногах и одним ударом сапога по виску отправила бородача в нокаут. Если выживет, то с ним она разберется потом, а сейчас – с двумя последними, которые уже поднимали автоматы. Но медленно, чертовски медленно! Софья перепрыгнула через падающее тело и оказалась меж двух бандитов. Пока они пытались прицелиться, девушка развернулась вокруг своей

оси и нанесла удары: одному в кадык, другому – по затылку. А потом еще серию ударов: локтем в горло одному, другим локтем – второму в висок. И, закрепляя успех, резко повернула первому голову до хруста позвонков, а второму – уже лежащему – размозжила череп тяжелым ботинком.

Сова огляделась. Три трупа – бородач тоже не шевелился – и тишина... Похоже, никого из банды в живых не осталось. Победа! Вот только нос набок, да и незаметной остаться так и не удалось. А именно такую задачу ставил отец, когда говорил:

– Ну что, дочь. Завтра последний экзамен. Я привел банду мародеров из Вологды специально для тебя.

– Класс, пап!

– Если все сделаешь правильно, то не погибнешь. Если провалишься, я тебя прикрою, но... тогда не жди поблажек ни от меня, ни от жизни. Она не любит слабых! И не любит, когда ей врут. Так что постарайся завтра не облажаться! Но я верю в тебя и видел, как ты готовилась, не жалея себя. Так что, думаю, все пройдет успешно. Мне лишь нужно, чтобы ты осталась незамеченной, без ран, и с каждого убитого ты должна принести трофей. Все равно, какой, но трофей в нашем случае означает, что ты не зря убила врага. Что своей смертью он принес тебе материальную пользу. Все ясно?

– Так точно!

– Я серьезно!

– Да, отец, все ясно.

– Ну, вот и ладушки, готовься! Завтра они придут в наш лес, я лишь на сутки опередил их, поэтому времени не так уж и много.

– Его достаточно, чтобы уничтожить маленькую армию, – пожала плечами дочь. Отец косо посмотрел на нее, а потом криво ухмыльнулся, видя, как далека еще Софья от понимания, что учеба очень-очень сильно отличается от реальных боевых действий, в которых она еще не участвовала. Что ж, это ей будет

неплохим уроком... Если выживет, конечно.

И вот теперь Сове осталось лишь пройти по лесу в обратном направлении и собрать трофеи. Хотя одну из задач девушка выполнила. Но, тем не менее, отец отреагировал очень жестко: вправил ей нос без обезболивающего. А чтобы жизнь медом не казалась!

Макаренко проснулась от холода. Костер давно прогорел, а теплое покрывало уже не спасало от стужи, пробравшейся сквозь несколько слоев одежды и одеял. Девушка машинально потянулась и погладила кривой нос. Черт! Даже вспоминать о той боли было неприятно, не то что проживать ее во снах раз за разом. Софья вновь возвращалась в прошлое, и опять те события представляли перед ней, как наяву. Они – все, что у нее осталось от отца, и пусть многие воспоминания терзали душу, но больше ее с прошлым ничего не связывало.

Макаренко выглянула через симпровизированные вчера ставни: снег успокоился, и теперь с неба падали редкие и легкие, почти невесомые белые хлопья. Они совершенно не помешают осмотру, но и от врага ее не скроют. Софья смочила горло водой из фляги. Потом девушка сменила накидку на белоснежную, собрала скарб в рюкзак и вновь поднялась на крышу. Ветер сменился, тяжелые тучи, налитые влагой, медленно неслись к востоку.

Софье стало грустно. Она почти не помнила матери, а отец не так давно погиб. И хотя он был строгим и суровым, девушке не доставало бати. Недоставало отцовских нравоучений, его недовольного бормотания, когда Сова что-нибудь делала неправильно. Она иногда не понимала сурового мужчину, но на подсознательном уровне боготворила: наверняка он хотел сына. Но то, с каким упорством он занимался с дочерью, доказывало его любовь к Софье. И она обожала его, пожалуй, даже втайне от самого мужчины, ибо он терпеть не мог бурных проявлений чувств. Девушка сжимала зубы от несправедливой брани, тихо смеялась в воротник куртки, когда он не видел, и иногда осторожно поправляла ему одеяло, словно маленькому ребенку.

Но чувства вырвались наружу, когда отца не стало. Захлестнули, чуть не привели к сумасшествию, но Софья сумела взять себя в руки и продумать дальнейшие шаги. Месть хороша обдуманная, а на горячую голову можно наломать дров. Недаром отец учил ее сдерживать чувства, прятать эмоции и

думать, думать, думать. Макаренко успокоилась и пустилась в путь. И черт подери этих нефтяников, если они смогут хоть как-то вывести ее из себя. Даже речи об этом не шло. Она готова была к медленному и плановому уничтожению всей общины. Сколько бы времени это ни заняло.

Пока Макаренко неторопливо готовила себе место и винтовку, внизу что-то затарахтело. Непрерывный, навязчивый звук то приближался, то удалялся. Что это?

Сова осторожно выглянула из укрытия, настроила оптику и посмотрела на лагерь нефтяников. Люди внутри огороженной территории засуетились. Из барака вышел мужчина в темном бушлате и шапке-ушанке и подошел к воротам, давая указания часовым на вышках. Те явно к чему-то готовились. И Сова вдруг поняла, что звук шел не из лагеря. Она повела винтовкой вдоль дороги, пытаясь найти источник звука, и вот... оптика выхватила одинокий автомобиль-фургон, покрытый толстыми листами ржавой стали, испещренный следами когтей животных и местами оцетинившийся приваренными острыми штырями.

Любопытно. А ведь, кроме нефтяников, еще кто-то существовал в округе. Это была ценная информация, ведь для успешной операции против бандитов нужно было учитывать и их возможных сторонников. А то мало ли кто окажется в тылу.

Девушка внимательно наблюдала за автомобилем. Он подъехал, ворота на территорию нефтяников на миг отворились, а потом сразу же захлопнулись. Шипастый монстр на колесах остановился перед мужиком в черном бушлате, и из кабины выскочили двое. Первый подошел к встречающему, и они пожали друг другу руки, о чем-то переговариваясь, а второй открыл фургон, и из него один за другим выпрыгнули пять человек. Они тут же колонной выдвинулись вперед и выстроились в шеренгу перед «бушлатом». Тот прошел вдоль, осмотрел бойцов и, видимо, остался доволен, потому как резко что-то крикнул в сторону барakov.

Сова переместила винтовку в сторону серых одноэтажных сараев и вдруг охнула: из дверей одна за другой выходили маленькие фигурки детей. Чумадые и худые, в лохмотьях, они представляли жалкое зрелище. На лицах читался безграничный ужас, а тщедушные тела – это ощущалось и на расстоянии – тряслись далеко не от холода, а от страха. Куда их теперь отправят? Что с ними там будут делать?

Софья вздрогнула от ужаса и негодования: как такое возможно? Что тут вообще происходит? Сердце разрывалось на части от переживаний за этих чужих детей, но Макаренко пока не понимала, что с ней творится. Если бы она попросила кого-нибудь найти для этого невыразимого чувства определение, ей бы ответили, что это материнский инстинкт. Но некому было подсказать девушке. В целом мире она была одна. Кроме бандитов, сейчас ей и общаться было не с кем.

Чувствуя небывалое возмущение, девушка всматривалась в хмурые лица, пока детей не погрузили в фургон и автомобиль не уехал обратно. И Сова долго провожала его взглядом сквозь окуляр оптического прицела, пока тот не исчез за поворотом дороги.

Затем она откатилась от края крыши, вскочила на ноги и несколько долгих минут вышагивала туда-сюда, не помня себя от ярости. Такого сильного чувства она еще не испытывала никогда в жизни. От злости она сорвала респиратор с лица – девушке казалось, что ей не хватает воздуха от возмущения. Ноги сами с неумным остервенением пинали снег, словно он был в чем-то виноват. Макаренко злилась из-за невозможности помочь детям. Куда их повезли? Она не знала! Что с ними будут делать? Она не знала! И что с ними будет, она тоже не знала...

«Вот твари! Нет! Нет!»

Девушка почувствовала, что все планы отмщения катятся к чертям. Она не могла бросить детей, а это значило, что придется отложить месть на неопределенный срок.

Сова остановилась, сжала кулаки, стараясь думать спокойно. Но ведь нефтяники никуда не уходили и в ближайшее время явно не собирались! Что ей мешает сначала выволить детей, а потом отомстить? Что-то глубоко внутри подсказывало, что детям ее способности сейчас нужнее. Только куда их повезли? Ведь не пройдет и дня, как снег посыплет вновь и скроет все следы, и что ей тогда делать?

Стоп! Мыслить трезво! Ведь выгрузили пятерых? Они-то должны знать, куда забрали детей? Точно! Алые губы расплылись в недоброй улыбке: теперь девушка знала, что делать.

Глава 6. Жестокий отбор

Время тянулось медленно, словно и не шло вовсе. Звуки борьбы, да что уж там – настоящей войны доносились с поверхности, то стихая ненадолго, то вновь усиливаясь. Дети в эти минуты сжимались, стараясь слиться друг с другом и с древней кирпичной кладкой, утонуть в полутьме. И отчаянно надеялись, что это не последние минуты Юрьева. Что звери еще не до конца сломили малочисленных защитников и еще не рвутся сквозь мрак старого туннеля, чтобы полакомиться юным свеженьким мясом никчемных людишек. В такие минуты даже трехлетний Сема стихал и боялся плакать. Боялся показать свой страх, а то вдруг по плачу найдут его и остальных.

Ближе к утру шум на поверхности начал стихать: то ли защитники уничтожили почти всех животных, то ли, наоборот, некому больше было защищать древний Юрьев и детей. Редкие выстрелы иной раз сменялись столь же редкими воплями тварей. Словно обе стороны были уже до того истощены, что им стало не до войны, и лишь иногда находился смельчак, нарушавший шаткое перемирие.

Но что бы ни происходило наверху, в клетке усталость взяла свое. Ночь, полная настоящих ужасов, высосала из детей все силы. И один за другим они сначала впадали в беспокойную дрему, а потом крепко засыпали, и ничто, даже звуки с поверхности, не могло их разбудить.

Бабушки что-то тихо, настороженно обсуждали, и это бормотание заставило и Колю погрузиться в липкую патоку забытья, но немного странного, необычного. Забытья, похожего на оцепенение, когда тело отключается, но сознание еще здесь, и ум, наоборот, проясняется, и ты словно мысленно путешествуешь, то ли во сне, то ли наяву. При этом, хотя вроде не спишь, но на самом деле даже руку поднять не можешь. Коля не смог бы объяснить собственное состояние даже себе, но с детства любил подобные редкие моменты и старался исследовать пределы своих возможностей.

Для начала он по ночам гулял по коридорам катакомб, иногда «выплывал» из подземелья, словно некий фантом, впрочем, не обращая внимания, есть ли у него тело – это стиралось сознанием, как стирается, например, во сне. А потом стал «наглеть» и впадать в этот транс и на людях, днем. Он заходил к ним в клетушки-комнаты, наблюдал за их действиями, работой, порой видел слишком

интимные сцены, сгорал от стыда, но быстро «исчезнуть», вернуться из этого состояния у мальчика не получалось. Может, пока не получалось, но все же он был вынужден досматривать события, невольным участником которых становился.

Об этом состоянии Коля даже не пытался рассказывать другим, опасаясь, что его сочтут странным, а значит, опасным. И просто сживут со света, как, например, поступили с Ярославом, объявив юношу дьяволом ни с того, ни с сего.[4 - См. роман автора «На краю пропасти».] Ну вот какого, спрашивается, черта им приспичило? Ведь жил Ярослав в Юрьеве совершенно спокойно восемнадцать лет – и вдруг дьявол? Коля не был согласен с остальными, но что он мог сделать, когда в церкви решалась судьба не похожего на всех парня? В лучшем случае мальчика бы просто выгнали, в худшем – возможно, признали бы пособником дьявола заодно с Ярославом. Люди жестоки, а под влиянием толпы надевают на глаза шоры и становятся единым целым, повинуясь любым командам, словно одно огромное чудовище.

Вот и сейчас Ростов погрузился в сон наяву и отрешенно путешествовал по камере, легко читая чувства, а иногда и мысли спящих детей. Наверное, это было неправильно, но сейчас, как никогда, ему надо было понять их настроение, чтобы суметь помочь словом или делом, когда надежда окончательно покинет всех.

Трехлетний Сема испытывал лишь беспросветный ужас. Он даже во сне дрожал всем телом, прижавшись к Ане Капустиной. Коля вообще не понимал, как ребенок держится. Разве что у него просто не осталось выбора, кроме как поддаться простым инстинктам – прижаться к девочке, словно к матери, и раствориться в ней, как в каком-то добром и бесконечно защищенном пространстве. А Аня, тоже от страха, прижала маленькое тельце к себе заботливо и сострадательно. Устроившиеся рядом Вика и тринадцатилетние Олег с Ольгой Карасевы чувствовали примерно то же. Разве что Олег ощущал чуть большее беспокойство, постоянно просыпаясь и поправляя грязное, местами рваное одеяло, сползающее с детей, которых опекал.

Их родители тоже оказались наверху и тоже вступили в неравную схватку со зверьем, чтобы оградить и спасти детей от неминуемой гибели. И дети это понимали так же хорошо, как и то, что многие не вернутся. Они родились в мире, где смерть была столь же частой, как и дни рождения, и давно привыкли к ней. Поэтому сильно не удивлялись, когда у кого-нибудь из знакомых не

возвращались домой мать или отец. А детей порой с пеленок забирали из-за их непохожести на остальных, и потом их никто и никогда не видел...

Совершенно другие настроения одолевали бунтарскую троицу. Но если Руслан горел праведным гневом оттого, что ему запретили помочь взрослым – и даже дергал во сне ногой, – то Витя и Катя лишь преданно свернулись рядом. Они были почему-то уверены, что Руслан прав, и готовы следовать за ним, что бы тот ни сказал.

Ванька и Варя Выдренковы крепко обнялись. Мало того, что их отец сейчас был наверху, так еще и Ярослав, их приемный брат, ушел в поисках лучшей жизни из города. А Варвара еще и жестоко играла чувствами юноши, хотя вины своей, видимо, не осознавала. Девушка вдруг подняла взгляд на Колю и неодобрительно нахмурилась. Мол, чего это ты тут подсматриваешь?

Ростов от неожиданности вздрогнул всем телом, выходя из оцепенения. Что это было? Неужели Варя его почувствовала? Но как? Никто и никогда не догадывался о невинной Колиной забаве, а она... Девушка посмотрела прямо на него, когда он коснулся ее чувств. Неужто она тоже могла делать нечто подобное? Коля вытаращил глаза и уставился на Варю, а она так же пристально и неодобрительно смотрела на мальчишку и качала головой – мол, никогда не смей так делать!

От стыда Ростов зарылся лицом в колени, ему впервые в жизни вдруг воспротивились. Эта неловкость от понимания, что он не один с подобной способностью, заставила лицо парня гореть от стыда. Его одиночество стало всеобъемлющим, от осознания, что кому-то еще известна его тайна, было только хуже. И неуютней, будто теперь в Ростова будут тыкать пальцем и смеяться над тем, как он не похож на остальных. Мальчик сжался и попытался заснуть, но не тут-то было.

– И чегой-то? – Зоя Павловна вскочила со своего топчана у самой решетки, направляя оружие и вглядываясь в полутемный, загибающийся вправо проход. Тишина, что несколько долгих минут назад опустилась на утренний город, нарушалась лишь шорохом в катакомбах, в выложенном старым кирпичом коридоре. – Сдается мне, старая, и по наши души пришли. Наконец, на пенсию выйдем.

«Пенсией» она называла смерть. Очевидно, что-то недоброе происходило сейчас в катакомбах. Колька вскочил на ноги и громким криком заставил остальных детей проснуться.

– Живо к дальней стене! Давай! Просыпайся! Вставай! Давай! Давай! – кричал он и подталкивал сонных мальчиков и девочек, торопясь и нервничая. И было отчего.

– Да, старая, – Вера Афанасьевна тоже встала, хоть и не так бодро, как ее подруга. Она передернула затвор автомата, засылая патрон, и направила АКСУ в полутемный туннель. – Встретимся в... На пенсии. Еще чаю попьем. Изысканного... Говорят, там чай очень вкусный и высокосортный!

– Кто говорит-то? – Зоя Павловна лишь быстро глянула на нее и вновь уставилась в коридор. – Неужто уже заглядывала на тот свет? Ты меня пугаешь!

– Да не! Дед мой во снах заходит иногда, – начала объяснять Вера Афанасьевна. – Знаешь, говорит, какой у нас там чай вкусный? Не то, что местная солома из листьев крыжовника и смородины с малиной. Не! То чай – всем чаям чай! Заграничный! Высшего сорта! Прямо м-м-м! Аж уходить отсюда не хочется на эту грешную Землю. Видимо, специально вкусным чаем опаивают, чтобы желания жить вновь не возникло!

– Ты бредишь, старая! Вот вроде умная, учительница, но дура душой! – хохотнула бабка Зоя. – Какой чай на том свете? Из Индии, что ли? Так у них там свой «тот свет» с кастами, мантрами и песнями. Им на своих чая-то не хватит! Куда им еще и наших одаривать? Не гони! Наших, я думаю, самогоном потчуют! Чистейшим, как слеза младенца! Настоянным на березовых бруньках. Есть же на том свете березовые бруньки? А? А дед твой тебя просто пугать заранее не хочет, вот и про чай все, про чай.

– Это вопрос веры, Зоя, – не сдавалась баба Вера. – Кто верит в чай, тот его и получит. Ну, а кому самогон дороже... Знаешь, я тебя хочу огорчить...

– Да ну тебя, старая! – Зоя Павловна ткнула локтем подругу. – Знаю, что скажешь! Самогон, мол, – зеленый змий, до старости не доживешь. Но... дожила ж! Дожила! А там, глядишь, будем баловаться. Я к тебе в гости с самогоном, а ты ко мне – с чаем! Все ж не так скучно будет!

– Да уж... – пробормотала Вера Афанасьевна и хотела еще что-то добавить, но не успела. Стремительная тень, зарывавшись, вырвалась из полумрака коридора в освещенное единственной лампочкой, свисавшей с потолка на проводе, пространство. Баба Вера вмиг нажала на спусковой крючок, и два патрона вгрызлись в морду серого падальщика. Мутировавшая псина завалилась на грязный пол, не издав больше ни звука. Зато коридор наполнился лаем сородичей павшей твари. Дети в ужасе сжались у дальней стены, а бабка, ткнув подругу локтем в ответ, хмыкнула.

– А?! Есть еще порох в пороховницах? Я во время Великого Трындеца неделю от жаждущих моей красоты отбивалась! И сейчас не сплхую! Зой, стреляем одиночными или очередью по два патрона.

– Поняла я, старая! – отрапортовала Зоя Павловна и выстрелила по следующей твари, осмелившейся сунуться в круг света. Кровь брызнула из простреленной морды, а баба Вера крикнула, выцелив еще одну живую мишень: – Ну, твари, держитесь!

Смертельная вакханалия продолжалась теперь уже в том туннеле, где когда-то жили люди, хотя от их жилья почти ничего не осталось. Лишь маленький пятанок света и слишком неуютная клетка, где заперли детей ради их спасения. Но ощущения безопасности у них не было, наоборот, появилось странное чувство, будто их загнали в ловушку. В последнюю. Ведь появление зверей в коридоре означало, что смерть забрала наверху всех, и теперь от костлявой детей отделяли лишь две бабушки, которые с неженским остервенением защищали подход к клетке.

Очередной падальщик вынырнул откуда-то и попытался вцепиться бабе Зое в ногу, но был подстрелен бабой Верой и отлетел в сторону. Следующая тварь прыгнула на нее, теперь уже баба Зоя помогла своей подруге. Десять зверей уже лежали в круге света, а дальше, в коридоре, горели мстью красные глаза еще нескольких.

Пока Вера Афанасьевна перезаряжала АКСУ, Зоя Павловна стреляла, и наоборот.

– Прощай, дорогая! – закричала баба Вера не своим голосом, когда одна тварь ухватила ее за рукав серой телогрейки, раздирая плотную ткань.

– Куда без меня?! – в ответ завопила баба Зоя, расстреливая из автомата напавшую на подругу облезлую, с топорщившейся местами серой шерстью псину.

Вроде бы на них собирались напасть еще два серых падальщика, что, несомненно, окончательно сломило бы старушек, но тут произошло нечто совершенно ошеломительное и невозможное.

Наверху затараторили автоматы, и, кажется, один пулемет – так сильно сотрясал он воздух своим звуком.

Твари, что нападали на старушек, развернулись, потом трусливо прижали уши и бросились к выходу, на помощь погибающим снаружи сородичам.

Коля, не понимая, что происходит, в невыразимом удивлении молча приблизился к решетке и прижался к ней лицом. Бабушки от усталости присели на кушетки, трясущимися руками перезаряжая оружие. Их бледные лица говорили о невероятном напряжении и понимании, что это был последний в их жизни бой. Но вдруг случилось чудо, и что-то наверху спасло их.

Внезапно все прекратилось. И выстрелы, и хриплый, озлобленный лай падальщиков.

И все подозрительно посмотрели в коридор. Что это было? Кто это был? Надежды на защитников – никакой, ведь если б они выжили, то и падальщики не попали бы в катакомбы. А ведь собаки здесь! Значит, город и оборонявшиеся проиграли. Так кто же тогда сейчас расстреливал наверху тварей? Кто пришел на помощь потерявшим всякую надежду детям? Ответы на эти вопросы сейчас находились на площади Михайло-Архангельского монастыря, а у старушек и детей не было желания выходить и проверять, кто это.

Любопытный Руслан Озимов присоединился к Коле и встал рядом, всматриваясь в полумрак коридора. Там, чуть дальше, на аркообразном потолке висели редкие лампочки, но светили они так тускло, что разобрать что-либо уже в двадцати метрах от них не было никакой возможности. К тому же коридор закруглялся, скрывая проход, выводивший наверх. К Руслану присоединились и Катя Шестакова с Витей Соломиным, они выстроились в ряд у прутьев решетки и, затаив дыхание, ждали, что же произойдет дальше.

Вера Афанасьевна с Зоей Павловной, переведя дух, тоже поднялись с мест и, перезарядив АКСУ, держали их нацеленными на поворот коридора. Тишина давила на нервы, напряжение нарастало. Оружие медленно поднималось вверх, надежда угасала с каждой секундой.

– Старая, по-моему, к нам кто-то движется, – почему-то шепотом сообщила баба Зоя.

– Т-сс, – грозно, тоже шепотом, прервала ее баба Вера. – Молчи, а то не услышим.

Коля зажмурился. Он попытался перенестись в то состояние, когда мог мысленно «гулять» вне тела, но ничего не получилось. Беспокойная обстановка не способствовала погружению в полусон. И ничего, кроме как представить себе этот коридор, у него не выходило. Черный туннель с темным нутром – и как они тут жили? – со странными, еще более черными сущностями, крадущимися от входа к ним, будто черные мотыльки или... твари слетались на свет, что сосредоточился в самом конце туннеля – в клетке с детьми. Эти темные сущности несли некое зло. Трудно было понять, какое, но Коля ощущал зло в этих невнятных черных душах, хотя определить его природу не мог, как не мог и узнать, кто они. Двое, нет, трое осторожно приближались к повороту, за которым ожидали дети с бабушками. Тринадцать светлых пучков в мрачном, почти беспросветном туннеле ужаса, наполненном страшными, темными сгустками чужих... Перед поворотом чужаки замедлились, словно совещаюсь, а потом...

Коля распахнул глаза, их тут же резануло болью от неяркого света в коридоре. Чужаки что-то кинули к ним!

– Ложись! Граната! – заорал он, отдирая от решетки Руслана и отталкивая вглубь клетки. Бабушки прижались к стенам. А в кучу с падальщиками упал металлический цилиндр. Станный, не похожий на гранату.

И тут все вокруг взорвалось ярким, ослепительным светом. А уши прорезал высокий, на грани слышимости звук. Огромный ярко-белый шар наполнил маленькое помещение, стараясь раздвинуть стены и вытолкнуть наружу всех, кто был внутри. Секунд десять Коля ощущал, что умер и небеса уже приняли его, но оставалась боль в голове от невероятно высокого звука, заполнившего уши. Казалось, сейчас мозг истечет через них. Мальчик, как и все остальные,

сжался в позе зародыша на полу, пытаюсь понять, где он, что он, пытаюсь осознать, что случилось, но не мог. Обескураживающий свет и дезориентирующий звук пронзили его насквозь. Лишь целую минуту спустя он начал приходить в себя, понимая, что не умер. И что это была лишь светошумовая граната.

Мир медленно возвращался из света в полумрак клетки, где на полу охали и стонали дети. Предметы двоились и троились перед глазами, а звук словно забрался в мозг и не хотел его покидать, как ни тряс головой, чтобы выбить его оттуда. Постепенно взгляд прояснялся, предметы и люди различались четче. Коля в окружении таких же дезориентированных детей поднялся первым и повернулся к освещенному пространству. Там уже находились чужие люди, бросившие гранату. Бабушек оттеснили на одну кушетку, отобрали оружие, кучу из трупов зверей раскидали по сторонам. В центре на второй кушетке восседал здоровяк с копной рыжих волос, выбивающихся из-под черной вязаной шапки, и с такой же огненной бородой. Грязный засаленный комбинезон защитного цвета и когда-то белые унты довершали образ. В руках мужчина держал странное укороченное ружье-двустволку. А позади стояли еще двое мужчин с автоматами. Их лица казались слишком спокойными, а взгляды – слегка отстраненными и затуманенными.

Рыжий долго молчал, словно чего-то ожидая, а жители Юрьева не решались заговорить с напавшими бандитами, хоть те их, по сути, спасли от неминуемой гибели. Но светошумовую гранату не так-то просто забыть, особенно если ее швыряют в тебя. Поэтому дети, да и бабушки, поглядывая кто с неприкрытой ненавистью, а кто и со страхом, затихли в ожидании объяснений пришлых.

Наконец сзади из коридора раздались торопливые шаги и тяжелое дыхание, и вскоре на свет выскочил четвертый боец. Он остановился позади своих и отрапортовал:

– Святой отец, я все obeжал. Других выживших нет. Территория усыпана телами людей, собак, кошек и еще каких-то неизвестных тварей. В двухэтажном здании вообще сплошное кровавое месиво, разобрать, что случилось, нет никакой возможности. В церкви выживших тоже нет. Эти, – мужчина указал на детей, – единственные живые. А! Еще пять лошадей позади здания в закрытом сарае. Но... дюже злющие. Мне чуть руку не оттяпали, когда я приблизился. Зубы неестественные. Клыки. Видно, слегка измененные...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

События описаны в романе «На краю пропасти»

2

См. роман автора «На краю пропасти»

3

См. роман автора «На краю пропасти»

4

См. роман автора «На краю пропасти».

Купить: https://telnovel.com/haritonov_yuriy/metro-2035-priyut-zabytyh-dush

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)